МГП и СМИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Научный журнал об актуальных проблемах международного гуманитарного права и средствах массовой информации

№ 2 / 2023

В НОМЕРЕ:

Стр. 4

Правовое регулирование деятельности журналистов

Стр. 10

Международное право и практика его применения

Стр. 59

Памяти Дмитрия Кузьмина и Ростислава Журавлева

e-mail: mgp_smi@mail.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Центр исследований деятельности информационных служб и СМИ в условиях вооруженных конфликтов издает научный журнал «Актуальные проблемы МГП и СМИ». Наш центр функционирует на базе Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета.

Основные задачи издания:

– пропаганда основ международного гуманитарного права;

– изучение специфики и закономерностей функционирования средств массовой информации и органов информационного обеспечения в условиях войн и вооруженных конфликтов;

– исследование особенностей взаимодействия СМИ с ведомственными органами информационного обеспечения в условиях войн и вооруженных конфликтов, террористических актов и чрезвычайных ситуаций;

– популяризация знаний о способах взаимодействия журналистов и органов информационного обеспечения в условиях войн, вооруженных конфликтов, террористических актов и чрезвычайных ситуаций;

– изучение теории и практики отечественной и зарубежной военной журналистики.

Приглашаем к сотрудничеству исследователей в сфере международного гуманитарного права (МГП), теории и практики военной журналистики, профессиональных журналистов, преподавателей, аспирантов и магистров.

Главный редактор Андрей КОЗЛОВ

Редакционная коллегия

Главный редактор – **А.В. Козлов**, доктор исторических наук, профессор.
Заместитель главного редактора – **Е.А. Младковская**, кандидат педагогических наук, доцент.
Ответственный секретарь – **А.Ш. Салихов**, кандидат исторических наук.

Члены редколлегии:

С.Н. Бабурин, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН.

Т.Н. Владимирова, доктор педагогических наук, доцент, проректор, директор Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета.

С.Х. Канапьянов, доктор философии (PhD), профессор Военной кафедры Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан.

Н.А. Карташов, шеф-редактор журнала «Человек и Закон», заслуженный работник культуры Российской Федерации.

А.Е. Карлов, начальник учебно-методического отдела Военного университета МО РФ, кандидат психологических наук, доцент.

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса по научной работе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Т.Д. Матвеева, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель Евразийского института международного права.

В.А. Силкин, кандидат педагогических наук, секретарь Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

З.А. Станкевич, доктор юридических наук.

Т.М. Сыртланов, кандидат педагогических наук, член Президиума Совета Региональной общественной организации «Ассоциация исследователей деятельности информационных служб и средств массовой информации» («ЛидТерра»).

В.Н. Литовкин, военный обозреватель ТАСС.

И.В. Холиков, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра международного права и сравнительно-правовых исследований, профессор кафедры международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, советник Генерального секретаря Международного комитета военной медицины (МКВМ) по юридическим вопросам.

О.И. Чердаков, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной и научной работе Международного юридического института.

Э.Э. Шульц, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета.

К рассмотрению принимаются рукописи объемом не более одного авторского листа, набранного в текстовом редакторе Word через два интервала с концевыми ссылками на использованные источники.

Статьи необходимо присылать в адрес редакции (mgp_smi@mail.ru).

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 – 66970 от 25.08.2016 года.

Адрес редакции: 109240, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская д. 16-18, тел: +7 (926) 275-10-75.
E-mail: mgp_smi@mail.ru

В выпуске журнала принимали участие студенты Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета И.С. Дигин, Ю.Р. Хмылова, Е.Э. Барбашина, В.С. Царева, Н.О. Чепиков, О.Е. Сливченко.

Подписано в печать 22.09.2023 г.
Типография «Белый Ветер». Тираж 500 экз. Заказ № 1147.
Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: (495) 651-84-56.
E-mail: wwprint@mail.ru

© Журнал «Актуальные проблемы МГП и СМИ», 2023.

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Козлов А.В.
Kozlov A.V.
Правовое регулирование деятельности журналистов СМИ новых субъектов Российской Федерации в условиях военного положения....4
Legal regulation of media journalists' activities in the new constituent entities of the Russian Federation under martial law....4

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Козлов А.В.
Kozlov A.V.
Холиков И.В.: «Международное право и практика его применения все больше размываются на фоне мировых глобальных кризисов» 10
Kholikov I.V.: "International law and the practice of its application are increasingly blurred against the background of the world's global crises" 10

КОНФЕРЕНЦИИ

Коммуникационный вектор-2023....13
Communication Vector-2023....13

ТРИБУНА АСПИРАНТА

Бабайцева Е.С.
Babaytseva E.S.
Медицинское обеспечение военнослужащих (сотрудников) Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (правовой аспект) 21
Medical care of servicemen (employees) of the Federal Service of National Guard Troops of the Russian Federation (legal aspect)....21

Белоусова М.С.
Belousova M.S.
Единовременные выплаты военнослужащим, получившим ранение (контузию, травму, увечье) в ходе проведения специальной военной операции на Украине (правовое регулирование и проблемные вопросы) 26
Lump-sum payments to servicemen wounded (contusion, trauma, injury, mutilation) during a special military operation in Ukraine (legal regulation and problematic issues) 26

ПРОБА ПЕРА

Сливченко О.Е.
Slivchenko O.E.
Свобода средств массовой информации в Италии 35
Freedom of the Media in Italy 35

Родионов А.Е.
Rodionov A.E.
Роль международного права в поддержании режима нераспространения ядерного оружия 39
The role of international law in maintaining the nuclear non-proliferation regime 39

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И СМИ»

Кудашкин А.В.,
Холиков И.В.
Kudashkin A.V.,
Kholikov I.V.
Специальные военные операции в современном праве 47
Special military operations in modern law 47

ТРЕТИЙ ТОСТ

«Я видел, что у него есть ранение. Но Ростик разговаривал и, как настоящий журналист, камеру из рук не выпускал» 59
"I saw that he had an injury. But Rostik was talking and, like a real journalist, did not let go of the camera" 59

КОНКУРСЫ И ОЛИМПИАДЫ

Подведены итоги олимпиады «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права-2023» 62
The results of the Olympiad "Mass Media and Current Issues of International Humanitarian Law-2023" 62

Козлов Андрей Валерьевич – доктор исторических наук, профессор.
E-mail: mgp_smi@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ СМИ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

В современных условиях трансформации мирового правопорядка актуализируются военные проблемы международного права[1], призванные регулировать широкий круг различных правоотношений, возникающих в связи с необходимостью противодействия новым многовекторным угрозам международной безопасности в целом, и национальной безопасности России в частности[2]. Международное право и международное гуманитарное право с некоторых пор переживают кризисные тенденции. Многочисленные практические свидетельства этому, а также реальное углубление противоречий между странами мы вынуждены наблюдать повсеместно, что отмечается и в научной литературе[3].

Политическое и военное руководство Российской Федерации приняло решение о проведении с 24 февраля 2022 г. специальной военной операции (СВО) с целью освобождения от украинских вооруженных формирований территорий Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР). Такое решение было принято в связи с исчерпанием всех возможных мирных средств защиты прав и законных интересов жителей Донбасса, многие из которых имели российское гражданство[4].

С началом специальной военной операции на Украине вновь остро встали вопросы безопасности журналистов, работающих в районах боевых действий. Один из дискуссионных моментов – особенности их правового статуса в период осуществления профессиональной деятельности в условиях вооруженного конфликта.

19 октября 2022 г. Президент РФ подписал Указ «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорож-

[1] Холиков И.В. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход / И.В. Холиков, А. Милованович, П.Ю. Наумов // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 11. С. 132-148.

[2] Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 116-120.

[3] Гаврилов С.О. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права». Т. III монографии «Военное право») / С.О. Гаврилов, И.Н. Глебов, С.Г. Чукин [и др.] // Государство и право. 2022. № 12. С. 59-67; Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н.Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. 888 с.; Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022. 712 с.; Дамаскин О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Вестник Академии военных наук. 2018. № 4 (65). С. 121-128.

[4] Кудашкин А.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве / А.В. Кудашкин, И.В. Холиков // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 31-47.

ской и Херсонской областей»[1]. С 20 октября 2022 г. на перечисленных в документе территориях все журналисты, командированные в регион из иных субъектов Российской Федерации, выполняют поручения редакции в особых условиях.

Под этим термином в Законе РФ «О средствах массовой информации» понимается «осуществление сотрудником редакции профессиональной деятельности на территории Российской Федерации, на которой введено военное положение, в районах боевых действий, вооруженных конфликтов и на территории (объекте) проведения контртеррористической операции, определенных согласно законодательству Российской Федерации, в иностранном государстве, определенном Правительством Российской Федерации, которое находится в условиях чрезвычайного положения или в состоянии вооруженного конфликта»[2].

Отметим, в приведенном определении основной акцент сделан на территориальной очерченности явления, применительно к Российской Федерации.

Здесь же напомним, что в особых условиях журналист может находиться в качестве:

- военного журналиста[3];
- военного корреспондента;
- журналиста, находящегося в опасной профессиональной командировке в районах вооруженного конфликта по редакционному заданию[4].

Международно-правовой статус военного корреспондента журналист обретает в случае его аккредитации военными властями. В зоне СВО и на территориях, где введено

[1] Указ Президента РФ о введении военного положения на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей от 19 октября 2022 г. URL: http://kremlin.ru/acts/news/69631 (дата обращения: 16.07.2023).

[2] Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации». Ст. 47.1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/5d0f926356279429dcb5fb950f43f0cee5658524/ (дата обращения: 16.07.2023).

[3] Военный журналист – творческий сотрудник средства массовой информации, занимающийся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции средства массовой информации Министерства обороны РФ, Федеральной службы войск национальной гвардии РФ и Пограничной службы ФСБ РФ, а также иных силовых ведомств, в которых законом предусмотрена военная служба. Правовой статус военных журналистов и особенности их деятельности в особых условиях в данной статье автор не рассматривает.

[4] Козлов А.В. Международно-правовой статус журналиста в условиях вооруженного конфликта // Культура в фокусе научных парадигм. № 10-11. 2020. С.311-316. URL: https://www. elibrary.ru/item.asp?id=42847864 (дата обращения: 16.07.2023).

военное положение, аккредитацию представителей отечественных и зарубежных СМИ осуществляет орган информационного обеспечения Вооруженных сил РФ – Департамент информации и массовых коммуникаций Министерства обороны РФ. В иных ситуациях выполнения заданий редакции на территории, где введено военное положение, правовой статус творческого сотрудника СМИ соответствует статусу журналиста, находящегося в опасной профессиональной командировке в районах вооруженного конфликта по редакционному заданию.

Правовой статус журналиста, находящегося в опасной профессиональной командировке в районах вооруженного конфликта по редакционному заданию, творческий сотрудник СМИ получает в случае наличия редакционного задания (в устной или в письменной форме)[1].

Согласно статье 47.1 на редакцию СМИ в условиях военного положения возлагают обязанности по:

- обеспечению и финансированию обучения сотрудников редакции (журналиста и иных сотрудников редакции, оказывающих содействие журналисту при выполнении им поручения редакции в особых условиях) мерам безопасности;

- обеспечению их средствами индивидуальной защиты с опознавательным знаком «Пресса» («Press»);

- оформлению письменного согласия сотрудника на выполнение поручения редакции в особых условиях и т.д.[2]

Анализ деятельности журналистов в условиях специальной военной операции на Украине и военного положения заставляет говорить о необходимости внесения изменений в статью 47.1. «Выполнение поручения редакции в особых условиях» Закона РФ «О средствах массовой информации»[3] в части, касающейся деятельности журналистов в условиях введения военного положения при непосредственной угрозе агрессии, а также работы сотруд-

---

[1] Матвеева Т.Д., Козлов А.В. *Экстремальная журналистика*: учебное пособие и практикум по курсу «Правовые основы журналистики». М.: Проспект, 2022. С. 40-46. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49728930 (дата обращения: 19.07.2023).

[2] Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации». Ст. 47.1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/5d0f926356279429dcb5fb950f43f0cee5658524/ (дата обращения: 16.07.2023).

[3] Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации». Ст. 47.1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/5d0f926356279429dcb5fb950f43f0cee5658524/ (дата обращения: 16.07.2023).

ников редакций региональных и местных средств массовой информации на территориях, где введено военное положение.

Первый дискуссионный вопрос: существует ли объективная необходимость применять положения статьи 47.1 Закона РФ «О средствах массовой информации» в ситуации непосредственной угрозы агрессии?

Напомним, согласно ФКЗ «О военном положении» этот особый правовой режим может вводиться в двух случаях:

- агрессии против Российской Федерации;
- непосредственной угрозы агрессии[1].

Под непосредственной угрозой агрессии против Российской Федерации могут признаваться «действия иностранного государства (группы государств), совершенные в нарушение Устава ООН, общепризнанных принципов и норм международного права и непосредственно указывающие на подготовку к совершению акта агрессии против Российской Федерации, включая объявление войны Российской Федерации»[2].

То есть в случае введения военного положения в связи с непосредственной угрозой агрессии против Российской Федерации боевые действия еще не начались, а значит правовые основания, связанные с началом применения (правоприменения) норм международного гуманитарного права (МГП), еще отсутствуют. Ведь нормы МГП начинают применяться с началом вооруженного конфликта, а их действие прекращается с общим окончанием боевых действий (на оккупированной территории – по окончании оккупации)[3].

На наш взгляд, часть первая статьи 47.1 «Выполнение поручения редакции в особых условиях» Закона РФ «О средствах массовой информации» нуждается в редакции. Формулировка термина «Выполнение поручения редакции в особых условиях» должна быть дополнена фразой «в случае агрессии против Российской Федерации».

[1] ФКЗ от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении». Ст. 87. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/17804 (дата обращения: 16.02.2023).

[2] ФКЗ от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении». Ст. 3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/327d015f7dfa0a5f8fc16e7287d74337352aa1a2/ (дата обращения: 30.07.2023).

[3] Гриньон Д. Начало применения международного гуманитарного права: некоторые проблемы // «Международный журнал Красного Креста». № 893, сентябрь 2015. С. 93-120. URL: https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-10/IRRC_893_The_beginning_Grignon_web.pdf (дата обращения: 30.07.2023).

Второй дискуссионный вопрос: каким правовым статусом обладает творческий сотрудник регионального или местного СМИ, выполняющий поручения редакции, не связанные с военной и (или) гуманитарной проблематикой, в условиях военного положения?

Правовой статус журналистов центральных российских СМИ и зарубежных корреспондентов, командированных на территории, где введено военное положение, понятен и не вызывает вопросов. Иное дело – представители региональной и местной прессы новых субъектов Российской Федерации.

Если руководствоваться закрепленной в статье 47.1 территориальной очерченностью (выполнение редакционного задания исключительно на определенной территории), то на всех без исключения журналистов редакций региональных и местных СМИ Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей распространяются общие требования, касающиеся осуществления сотрудником редакции профессиональной деятельности на территории Российской Федерации, на которой введено военное положение. Отсюда вытекает, что все редакции региональных и местных СМИ новых субъектов обязаны выполнить перечисленные в статье 47.1 требования закона по обеспечению мер безопасности штатных и внештатных журналистов вне зависимости от освещаемой ими тематики, хотя, на наш взгляд, такой необходимости нет.

Определять основания для начала применения норм, регулирующих деятельность журналиста в особых условиях, необходимо не только по территориальному принципу, но и по тематике (проблематике), которую представитель СМИ освещает.

На территории Российской Федерации, на которой введено военное положение, гражданский журналист может находиться не только в качестве военного корреспондента или журналиста, находящегося в опасной профессиональной командировке в районах вооруженного конфликта по редакционному заданию, но и журналиста, выполняющего иные творческие поручения редакции, не связанные с освещением военной и (или) гуманитарной проблематики.

Тематика региональных и местных СМИ предполагает освещение всего спектра общественно-политической жизни республики, области, района, города: экономики, культуры, образования, спорта и т.д., а значит применять положения статьи 47.1. надо не ко всем журналистам, а лишь к конкретным из них, освещающим военную и (или) гуманитарную проблематики в районах боевых действий.

Таким образом, имеет место несовершенство нормы Закона РФ «О средствах массовой информации», которое выражается в сложности применения статьи 47.1 в условиях военного положения к журналистам региональных и местных СМИ, выполняющих редакци-

онные задания в особых условиях, а также противоречивости статуса журналиста в случае введения этого особого правового режима при непосредственной угрозе агрессии.

1. Действие статьи 47.1 должно распространяться на представителей региональной и местной прессы только в случае выполнения ими редакционного задания, связанного с освещением военной и (или) гуманитарной проблематики в районах боевых действий.

2. Часть первая статьи 47.1 «Выполнение поручения редакции в особых условиях» Закона РФ «О средствах массовой информации» должна быть дополнена уточнением, что выполнение поручения редакции в особых условиях осуществляется творческим сотрудником редакции СМИ на территории Российской Федерации, на которой введено военное положение в случае агрессии против Российской Федерации. Соответственно, первая часть статьи 47.1 должна звучать так: «осуществление сотрудником редакции профессиональной деятельности ***по освещению военной и (или) гуманитарной проблематики*** на территории Российской Федерации, на которой введено военное положение ***в случае агрессии против Российской Федерации***, в районах боевых действий, вооруженных конфликтов и на территории (объекте) проведения контртеррористической операции, определенных согласно законодательству Российской Федерации, в иностранном государстве, определенном Правительством Российской Федерации, которое находится в условиях чрезвычайного положения или в состоянии вооруженного конфликта».

Андрей КОЗЛОВ.

Список литературы

Матвеева Т.Д., Козлов А.В. Экстремальная журналистика: учебное пособие и практикум по курсу «Правовые основы журналистики». М.: Проспект, 2022. 96 с.

Козлов А.В. Международно-правовой статус журналиста в условиях вооруженного конфликта // Культура в фокусе научных парадигм. № 10-11. 2020. С.311-316. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42847864 (дата обращения: 16.07.2023).

Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. 888 с.

Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022. 712 с.

Гаврилов, С.О. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») / С.О. Гаврилов, И.Н. Глебов, С.Г. Чукин [и др.] // Государство и право. 2022. № 12. С. 59-67.

Гриньон Д. Начало применения международного гуманитарного права: некоторые проблемы // «Международный журнал Красного Креста». № 893, сентябрь 2015. С. 93-120. URL: https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-10/IRRC_893_The_beginning_Grignon_web.pdf (дата обращения: 30.07.2023).

Дамаскин О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Вестник Академии военных наук. 2018. № 4 (65). С. 121-128.

Кудашкин А. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве / А.В. Кудашкин, И.В. Холиков // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 31-47.

Холиков И.В. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход / И.В. Холиков, А. Милованович, П.Ю. Наумов // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 11. С. 132-148.

Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 116-120.

ХОЛИКОВ И.В.: «МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ ВСЕ БОЛЬШЕ РАЗМЫВАЮТСЯ НА ФОНЕ МИРОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ»

Специальная военная операция на Украине (СВО) заставила ученых различных областей науки приступить к изучению ее феномена. Не остались в стороне и юристы-международники. О специфике правового регулирования современных международных вооруженных конфликтов наш корреспондент побеседовал с доктором юридических наук, профессором, главным научным сотрудником центра международного права и сравнительно-правовых исследований, профессором кафедры международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации И.В. Холиковым.

- Иван Владимирович, современное международное право и практика его применения позволяют разрешать отдельные конкретные ситуации, однако, зачастую мы наблюдаем тенденцию к утрате способности к объединению вокруг них широкой общественности. Это уже устойчивая тенденция?

- Действительно, события последних лет характеризуются радикальными изменениями общественного сознания и, как следствие, углублением порождаемых этим противоречий, которые ввергают мир в огонь различных конфликтов, межгосударственных, межнациональных, межконфессиональных и различных других противостояний. К сожалению, международное право и практика его применения все больше размываются на фоне мировых глобальных кризисов. Можно даже говорить о навязывании странами коллективного Запада нового международного порядка, основанного на правилах вместо действующих норм международного права.

США и их союзники представляют «новый порядок» и как альтернативу международному праву при выработке общего понимания мироустройства, и как основу для урегулирования существующих и потенциальных международных кризисов.

- Военно-правовая наука активно изучает правовой режим специальной военной операции. В чем его феномен? Почему СВО?

- Термин «война» уже давно не используется, так же и формальное объявление войны ныне стало редким событием. Напомню, что те же Соединенные Штаты Америки в последний раз объявляли войну Румынии в 1942 г. Все современные военные действия в Афганистане, на Ближнем Востоке, в других регионах независимо от их масштабов и применения тяжелых вооружений, США называют контртеррористическими операциями.

Выбор термина, обозначающего вид военной операции, зависит от ее целей, задач и методов. В соответствии с терминологией НАТО, специальные операции представляют собой военные действия особого характера, осуществляемые специально подобранными, организованными, обученными и оснащенными силами.

Определение термина «война» приведено в статьях 4, 5 и 6 Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 22 августа 1864 г., а понятие вооруженного конфликта закреплено в Конвенции 1949 г. В ней установлены принцип фактического существования конфликта и условия для применения соответствующих норм права вооруженных конфликтов (ПВК).

Объявление войны – сложная юридическая и дипломатическая процедура, имеет экономические, социальные и другие последствия, не является обязательной ни по международному, ни по российскому праву. По своему содержанию военные действия в рамках

войны и международного вооруженного конфликта одни и те же, а вот их правовые режимы во многом различаются. Объявление войны означает, что состояние войны признано формально всеми ее сторонами, а международные вооруженные конфликты не зависят от их признания сторонами конфликта.

- Иван Владимирович, не связано ли усложнение предмета правового регулирования вооруженных конфликтов с наблюдаемой нами технологической революцией в военном деле?

- В какой-то степени. Цифровизация, информационные технологии и даже технологии искусственного интеллекта проникли во все сферы нашей жизни. Они же оказывают активное влияние на ход вооруженных конфликтов, определяют методы ведения боевых действий. В настоящее время стали привычными снятые с дронов кадры боевых действий. В них применяется привязка географических метаданных к информационным ресурсам, используются фотографии из социальных сетей, характеризующие точку съемки, месторасположение и прочее. Изображения, полученные от коммерческих спутников, размещенные в Интернете, дают возможность получить своевременную и подробную информацию о ходе боевых действий, которой еще недавно не было у военачальников, разведчиков и политических лидеров. Наступил период так называемой разведки с открытым исходным кодом (OSINT), предполагающим сбор и анализ данных из открытых источников для получения разведывательной информации. Использование мобильных телефонов и сети Интернет военными повышает возможности противника эффективно выбирать цели для поражения.

- В чем состоит задача правовой науки в свете изучения современного международного вооруженного конфликта?

- Современный международный вооруженный конфликт представляет собой динамичное, сложное социальное явление, правовой аспект которого необходимо рассматривать комплексно, с учетом философских, политических, экономических, технологических и других его сторон.

В правовом регулировании данной проблемы центральное место занимает право вооруженных конфликтов, основанное на международном гуманитарном праве, но регламентирующее, кроме правил и обычаев ведения вооруженной борьбы, еще и вопросы оперативно-тактического управления войсками. Эта сфера отношений традиционно выходит за пределы компетенции правовой науки и относится к военным наукам (тактика, оперативное искусство, стратегия).

В данном случае задача военно-правовой науки – не вторгаясь в компетенцию командира при принятии им решения о боевом применении подчиненных войск (сил) на поле боя, не нарушая его самостоятельности как единоначальника, все-таки установить правила и границы желательного поведения в боевых условиях, за пределами которых для него может наступить ответственность.

- Иван Владимирович, еще один специфический момент событий на Украине – наличие третьей стороны. Как осуществляется в данном случае правовое регулирование?

- Понятие «третья сторона» в современном вооруженном конфликте толкуется в широком смысле и включает негосударственных субъектов, например, частные военные или охранные компании, которые действуют как на суше, так и на море, а также третьи страны.

Международный трибунал по бывшей Югославии применительно к участию третьих стран в вооруженном конфликте указал, что оно может иметь место, если иностранное государство «играет роль в организации, координации или планировании военных действий военной группировки, а не только оказывает финансовую помощь, осуществляет подготовку и предоставляет снаряжение либо осуществляет боевое обеспечение этой группировки». Ранее Международный суд ООН в деле «О военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа» усмотрел два конфликта: между правительством Никарагуа и контрас с одной стороны и между тем же правительством и правительством США с другой.

- Несколько слов о соотношении в современных условиях норм права и «мягких норм».

- В условиях современного вооруженного конфликта должны регулироваться не только правовые отношения с формальной точки зрения, но и отношения человеческие, морально-нравственные, эмоционально-смысловые и др.

Изучение сущностных и смысловых характеристик международных военных конфликтов заставляет пристально посмотреть на главного участника военных действий – «человека войны», который на собственной «шкуре» ощущает и испытывает все ее экзистенциальные, правовые и психо-физические «прелести».

Кроме профессиональных качеств, обеспечивающих выполнение поставленных перед ним задач, его действия требуют внутреннего и внешнего морального обоснования и смысловой подпитки, основанной на ценностном переживании происходящих событий, осознательной уверенности в справедливости и правильности действий. Да солдат или офицер в бою не думает об этом, там человеком руководят отточенные навыки и инстинкты. Но в минуты затишья военный человек обязательно задаст вопросы: «за что я сражаюсь? имею ли на это право?». В этот момент военнослужащий обращается к собственным ценностным ориентирам. На их основе он должен убедиться в том, что все им сделанное – единственно верно.

- Иван Владимирович, на ваш взгляд, не ушли ли в прошлое инструменты реализации ответственности субъектов международного права?

- Нет, в регулировании международных вооруженных конфликтов по-прежнему важны и актуальны санкционные и ориентационные функции. Их выполняют нормы права, регулирующие ответственность как государств, так и международных организаций (например, НАТО). Именно перспективы привлечения к международно-правовой ответственности, а также понимание ее оснований, играют превентивную и профилактическую роль.

- Спасибо за интервью!

Беседовал Андрей КОЗЛОВ.

На фото доктор юридических наук, профессор И.В. Холиков.

КОММУНИКАЦИОННЫЙ ВЕКТОР-2023

17–18 мая 2023 г. на площадке Московского государственного лингвистического университета прошел Всероссийский симпозиум «Коммуникационный вектор-2023». Организаторами выступили кафедра коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) и кафедра коммуникационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью Московского педагогического государственного университета (МПГУ).

На протяжении двух дней участники симпозиума обсуждали проблемы, связанные с антикризисными коммуникациями в политической и экономической сферах. Особое внимание было уделено таким темам, как «Россия и мир: актуализация исторического прочтения», «Информационная война: технологии и контент», «Современный социум: установки населения и их динамика», «Образование в области коммуникаций: новации переходного периода».

Модераторы мероприятия – председатель комитета по образованию Российской ассоциации по связям с общественностью (РАСО), профессор кафедры коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета, доктор политических наук, профессор А.Н. Чумиков и заведующий кафедрой коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета, кандидат исторических наук, доцент Э.Э. Шульц.

С докладами выступили президент Ассоциации «Международная академия коммуникологии», заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор социологических наук, профессор Ф.И. Шарков (тема – «Трансформация современных межкультурных и этноконфессиональных медиакоммуникаций»); кандидат исторических наук, доцент Э.Э. Шульц («Коммуникации в эпоху современных трансформаций: попытки прогнозирования»); заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор В.А. Евстафьев («Медиаиндустрия: от цифровой трансформации к цифровой революции»); профессор кафедры коммуникационных технологий, доктор исторических наук, профессор А.Я. Касюк («Глобализация и массовая коммуникация: тенденции и результаты»); ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, кандидат философских наук А.В. Кинсбурский («Современный российский социум: преобладающие установки населения»); доцент кафедры рекламы и бизнес-коммуникаций Института мировой экономики и бизнеса экономического факультета Российского университета дружбы народов, доктор политических наук, доцент И.Ю. Глинская («Новые механизмы формирования имиджа России в период информационной войны»); заведующий кафедрой коммуникационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета, доктор исторических наук, профессор А.В. Козлов («Правовое регулирование работы журналистов в условиях специальной военной операции на Украине и военного положе-

ния»); профессор кафедры коммуникационных технологий МГЛУ, доктор культурологии М.В. Аверина («Потенциал социокультурного тренда как инструмента коммуникационного воздействия на потребителя»); профессор кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор филологических наук, профессор Е.Е. Корнилова («Модернизация высшего образования в области коммуникаций») и др.

Пленарное заседания традиционно украсило выступление профессора кафедры коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета, доктора политических наук А.Н. Чумикова по теме «Медиакоммуникации как синтез PR и журналистики: концепция преподавания комплекса дисциплин».

Выступление Александра Николаевича охватило тематическое поле Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) по направлению подготовки «Медиакоммуникации» для бакалавриата и магистратуры, которое сопрягается с другими ФГОСами коммуникационных направлений и специальностей: «Журналистика», «Медиакоммуникации и журналистика», «Реклама и связи с общественностью». Такой подход является отражением и признанием глобальности современного информационного мира.

«В 2017 г. Министерство образования и науки РФ утвердило федеральные государственные образовательные стандарты по направлению подготовки «Медиакоммуникации» для бакалавриата и магистратуры; в 2021 г. – новую номенклатуру научных специальностей, где появилась специальность «Медиакоммуникации и журналистика», – рассказал доктор политических наук А.Н. Чумиков. – Комментируя это нововведение, эксперты от журналистики поясняют, что ее междисциплинарное поле требовало расширения сферы прежней научной специальности «Журналистика». Возникали разные варианты: «коммуникативистика», «коммуникология», «массовые коммуникации», но в итоге родилось название «Медиакоммуникации и журналистика».

Сходным образом рассуждали эксперты от PR, полагая, что жестко разделять в третьем десятилетии XXI века направления подготовки «реклама и связи с общественностью» и «журналистика» затруднительно и нецелесообразно. Таким образом, соответствующие решения Минобрнауки фиксировали институциональный сдвиг, демонстрирующий как минимум сближение, а как максимум – заключение в единую коммуникационную, научно-прикладную и образовательную конструкцию раздельных прежде направлений подготовки и специальностей. При этом, с одной стороны, не отрицалось, что журналистика и PR различны как сферы деятельности и обладают функциональной и ценностной спецификой; с другой – признавалось, что они во многом пересекаются и нуждаются в комплексном изучении, преподавании и применении.

Говоря простыми словами, «Медиакоммуникации» – это то, что журналисты должны знать о PR, а специалисты по связям с общественностью – о журналистике.

Какие же типы профессиональных задач должен выполнять выпускник программы бакалавриата ФГОС «Медиакоммуникации»? Это *авторская* задача, то есть самостоятельное производство материалов для последующего представления в коммуникационном пространстве. Это и задача *редактора*, способного приводить в надлежащее состояние информацию. Любой материал находится в системе отношений глобального рынка, а также его локальных контекстов, и все это требует решения *маркетинговых, проектных и организационно-технологических* задач.

Программа магистратуры предполагает усложнение подготовки. Так, организационные навыки дополняются *управленческими*, осуществление проектов – их *анализом*, а типовая отчетность о выполнении поставленных задач – *научно-исследовательскими* подходами.

Исходя из понимания особенностей существующей *медиасистемы*, заинтересованный субъект планирует и запускает *медиапроект*, который, в свою очередь, состоит из производства, размещения, оценки эффективности различных *медиапродуктов*. Под ме-

диасистемой мы понимаем современный рынок медиа, под медиапроектом – организованный процесс производства и продвижения медиапродуктов, выступающих в форме посланий и мероприятий.

Применение данного алгоритма требует освоения таких включенных во ФГОС компетенций, как критический анализ проблемных ситуаций и выработка стратегии действий; разработка и реализация проектов, командная работа, использование современных коммуникационных технологий».

В своем докладе доктора политических наук А.Н. Чумиков прокомментировал термины, носящие концептуальный характер, применительно к программе бакалавриата ФГОС «Медиакоммуникации»:

«**Медиарынок**. Данный термин мы сопоставляем с понятием *медиасистемы* как совокупности источников, из которых люди получают информацию, и смыслового поля, формируемого этими источниками. Под медийными источниками мы подразумеваем *средства массовой информации* и приравненные к ним ресурсы Интернета, *сайты* и *социальные сети*, а в некоторых случаях наружные носители рекламной информации. Смысловое поле, формируемое и транслируемое данными источниками, представляет собой медийное содержание, или *контент*.

Говоря о существующих подходах к анализу медийного поля, отметим, что наиболее характерный из них – это описание существующей медиасистемы. Так, коллектив авторов факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова выпускает учебник «Медиасистема России», где рассматриваются общие теоретические вопросы классификации и индикации медиасистем, исторические этапы развития и формирования отечественной медиасистемы; технологические, экономические, организационно-структурные и содержательные аспекты каждого ее сегмента, включая телевидение (ТВ), радио, информационные агентства, печатные и онлайн СМИ, социальные медиа.

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать), а после его упразднения – Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (Минцифры) с участием Академии медиаиндустрии и ряда других профильных организаций на протяжении нескольких лет готовили отраслевые доклады о современном состоянии медиаотрасли в России с разделами о ТВ, радио и печатной прессе, развитии Интернета.

Ориентируясь главным образом на управленческие, а не только описательные задачи, мы синтезируем названные подходы и определения в понятие «медиарынок». Что касается входящего в медиарынок сегмента СМИ, то до последнего времени его разделяют на так называемые «традиционные», оставшиеся от предшествующего возникновению Интернета периода, и «новые» медиа, появившиеся с его развитием. Заметим, что такое разделение является все более условным, поскольку практически все СМИ теперь возникают в Интернете, либо интенсивно интегрируются в систему интернет-коммуникаций. То есть составляющие понятие «средства массовой информации» категории – телевидение, радио и печатная пресса – «в чистом виде» постепенно исчезают, но сами медийные категории с характерными признаками сохраняются. Таким образом, имеет смысл анализировать конвергентный, то есть интегрированный в систему интернет-коммуникаций, медиарынок, выделяя при этом в специальный блок социальные медиа.

Медиаизмерения. Любая проектная задача, в том числе связанная с использование медийного пространства, начинается с исследований и должна сопровождаться ими. В направлении «Медиакоммуникации» предстоит говорить об исследованиях, призванных измерить эффективность сознательно и спонтанно создаваемого медиапространства. Эти исследования-измерения в значительной мере сопрягаются с теорией и практикой проведения *конкретных социологических исследований (КСИ)*. Проблематике КСИ посвящен целый ряд учебных пособий, с которыми мы рекомендуем ознакомиться. Однако далее, не подменяя и не пересказывая эти источники, следует остановиться на фундаментальных позициях КСИ, которые могут быть применены в процессе медиаизмерений, а

затем – на специфических прикладных подходах, находящихся в процессе формирования и отраженных в более современных работах.

Медиапродукты. В Федеральном законе «Об участии в международном информационном обмене» *информационные продукты* (продукция) в целом определяются как «документированная информация, подготовленная в соответствии с потребностями пользователей и предназначенная или применяемая для удовлетворения потребностей пользователей». Под документированной информацией (документом) имеется в виду «зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать». То же, по нашему мнению, относится и к *медиапродукту* с дополнением о том, что под материальными носителями мы понимаем СМИ и приравненные к ним интернет-ресурсы.

Профессиональные продукты внутри СМИ готовят *журналисты*, а за их пределами – *копирайтеры* – специалисты профильной коммуникационной структуры для последующего использования журналистами в своей работе. С появлением интернет-коммуникаций появилась массовая категория самодеятельных производителей медиапродукта, наиболее активная категория которых получила наименование *блогеров*.

Понятия «журналист», «копирайтер» и «блогер» не являются взаимоисключающими: хороший копирайтер вполне может работать как журналист и наоборот. Бывает, что копирайтер работает вместо журналиста, полностью замещая последнего; существуют также ситуации, когда они работают вместе, либо когда копирайтеру приходится принимать журналистский текст. Тот и другой использует продукцию блогеров и наоборот.

В коммуникационной среде для обозначения понятия «медиапродукт» приняты эквивалентные ему термины «*послание*» и «*сообщение*» – именно так обобщенно называются все виды текстовых, аудио-, видеоматериалов, производимых указанными категориями авторов.

Послания/сообщения выпускаются в определенных *формах*: они наиболее четко структурированы в журналистике и классифицированы в PR-деятельности. Что касается самодеятельных авторов, то в наиболее простом виде их медиапродукты разделяются на *посты* (авторские материалы любого типа) и *перепосты* (заимствованные материалы), а также *первичные* публикации и *комментарии*.

Важнейшим качественным признаком медиапродукта является содержание (*контент*) продуцируемых сообщений, включающее в себя текст и сопровождающие его либо существующие автономно аудиальные и визуальные компоненты.

Медиапроизводство. Принято считать, что форма и содержание посланий-сообщений составляют единое целое. Соглашаясь с этим тезисом, мы тем не менее считаем, что анализировать данные понятия можно и нужно раздельно, чтобы получить прикладные навыки производства качественного медиапродукта. *Форма* – это такая структура материалов, которая позволяет их быстро распознать, «зацепить» потребителя и расположить его к дальнейшему, более глубокому ознакомлению с актуальной информацией. Но далее речь должна идти о содержательном наполнении формы, начиная от общих принципов подготовки *контента* и заканчивая конкретными технологиями его производства. Прогрессивная форма сообщения сама по себе способна обеспечить некоторый охват аудитории. Однако воздействие – а именно оно является предметом ожиданий любого заказчика – возможно только за счет актуального содержания.

Медиапродвижение. Созданный медиапродукт необходимо разместить в медиапространстве в целях последующего влияния на целевые аудитории. Для журналиста в классическом понимании это является естественной функцией и должностной обязанностью, а заказчиком его материалов выступает редакция СМИ. В то же время журналист или редакция в целом могут выполнять заказ стороннего субъекта, оформленный специальным договором. Размещение материала происходит также при наличии новостного интереса редакции к представленным извне сведениям, либо на уровне личных отношений журналистов с коммуникационными менеджерами организаций-заказчиков. Наконец, заинте-

ресованная структура может просто разместить желаемую информацию на собственном сайте, не вступая в контакт с другими субъектами информационного поля.

Рассматривая перечисленные варианты продвижения контента, мы относим их к таким большим группам коммуникационных инструментов, как PR и реклама. Напомним, что если основной механизм *рекламы* заключается в платном использовании газетных и журнальных площадей, эфирного времени, пространства интернет-коммуникаций для размещения информации клиента, то задача PR-специалиста – добиться того, чтобы исходящая от заинтересованной стороны информация размещалась исключительно благодаря ее актуальности как для самих журналистов, так и для их читателей, зрителей, слушателей. В специальное направления анализа следует выделить работу с сообществами СМИ в социальных сетях, поскольку здесь речь идет не только о публикациях как таковых, а о резонансной активности вокруг них.

При этом PR и реклама в СМИ, на корпоративных сайтах, в сообществах решают сходную задачу – производство и продвижение актуального и привлекательного контента, позитивно воспринимаемого потребителем. Отсюда, разделяя в дальнейшем изложении методы PR, рекламы, организации сообществ, мы признаем такое разделение условным.

Медиасобытия. Среди профильных для рассматриваемой сферы деятельности терминов есть такой, как *событийный маркетинг* – технология, направленная на продвижение организации, товара, проекта при помощи специально (искусственно) придуманных ярких и запоминающихся событий (от англ. *special event* – специальное событие).

Эти события предназначены, с одной стороны, для средств массовой информации, с другой – непосредственно для актуальных целевых групп. В их числе: *традиционная пресс-конференция, интернет-конференция и «прямая линия»; брифинг и пресс-подход, конференция, презентация, пресс-тур и блог-тур, клубный вечер, «круглый стол», конкурс*.

Медиакоммуникационное планирование. Под таким планированием подразумевается вся совокупность взаимоотношений между коммуникационными службами организаций со СМИ и приравненными к ним медийными ресурсами. В рамках данной совокупности выстраиваются планы исследования аудиторий и контентного поля медиа,

уровень использования тех или иных медиаканалов, характер производства и продвижения медиапродуктов.

В случае с PR-подходом к планированию используется термин «*медиарилейшнз*» (от англ. *media relations – MR*, взаимоотношения/связи с медиа) – направление деятельности коммуникационных служб по производству актуальных для организации посланий и продвижению их в поле СМИ с помощью привлекательного информационного повода и в целях оказания требуемого воздействия на восприятие целевых аудиторий.

Рекламные специалисты применяют похожий на предыдущий, однако, существенно отличающийся от него термин «*медиапланирование*». Это составление планов размещения рекламных материалов по носителям, времени, площадям, эфирам. Главная задача и преимущество медиапланирования – обеспечение математически рассчитанного, а поэтому в значительной степени гарантированного контакта представителя целевой аудитории с рекламным сообщением.

Медиакампании. Проекты по продвижению материализованных продуктов и виртуальных смыслов в общественное пространство называют обычно информационными, PR, пропагандистскими, рекламными и т.д. кампаниями, где медийная составляющая занимает определенный сегмент, от доминирующего до вспомогательного. Во всех случаях ведущим термином является «*кампания*», которая обозначается как целенаправленная, системно организованная и завершенная совокупность информационных операций и обеспечивающих их мероприятий, объединенных общим стратегическим замыслом. Кампания направлена на решение конкретной проблемы базисного субъекта (заказчика кампании) и осуществляется технологическими субъектами (исполнителями кампании) в направлении объектов кампании на определенном этапе деятельности. К основным характеристикам кампаний относят следующие: проблемная ориентированность, целенаправленность, системность, планомерность, ограниченные временные рамки с фиксацией начала и завершения; технологичность с последовательностью операций.

Медиаструктуры и специалисты. В современной России присутствует развитая сеть структур, построенных с применением мировых профессиональных стандартов и занимающихся различными формами взаимодействия с медиа. Их формальные названия («управление информации и рекламы», «департамент по связям с общественностью и СМИ», «пресс-служба», «информационно-аналитический отдел» и т. п.) не имеют самодостаточного значения, а становятся следствием вкусового выбора руководителей. Точно так же не является догмой число внутренних подразделений структуры и количество входящих в нее специалистов – все это зависит от масштаба организации, выполняемых ею задач и, в конце концов, выделенного бюджета.

Отсюда целесообразно представить традиционный и непреходящий опыт «больших» организаций с близким к максимальному числом медийных функций, из которых можно составить оптимальный набор, а затем остановиться на новых профессиях в медиакоммуникационной сфере».

На симпозиуме затрагивалась тематика, связанная с информационными войнам. С докладом по теме «Место и роль информационной войны в современной гибридной войне (коммуникационный аспект проблемы)» выступил преподаватель кафедры коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета, старший научный сотрудник факультета педагогического образования (ФПО) МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат философских наук Ф.Н. Гуров. В своем выступлении Филипп Никитич отметил:

«Противодействие информационным войнам также следует рассматривать в контексте государственной

информационной политики. Такая политика реализуется как через совершенствование нормативно-правовой базы (например, противодействие недостоверным новостям на законодательном уровне), так и через систему государственных СМИ. При этом сегодня речь идет не только о классических медиа, но и о социальных сетях и сервисах (в России отдельно следует отметить явно или неявно аффилированные с государством Telegram-каналы).

На фоне быстро меняющихся, развивающихся каналов распространения информации, транслируемые в рамках военной пропаганды или информационной войны смыслы могут меняться. В то же время многие рекомендации по противодействию информационным войнам, разработанные около ста лет назад, оказываются работающими. В число таких рекомендаций входят идеи Г. Лассуэлла, которые в наше время звучат весьма современно, особенно в тех случаях, когда информационная война дополняется реальными боевыми действиями (к примеру, «важно распространять примеры, доказывающие порочность врага и укрепляющие веру в то, что именно он несет ответственность за войну»). В 2022-2023 гг. на этих принципах во многом была построена антироссийская пропаганда в зарубежных СМИ.

Вместе с тем важно учитывать и тот факт, что развитие технологий распространения информации приводит к появлению новых инструментов информационной войны. Так, выявление и максимально публичное разоблачение фейков превращается в отдельный и важный инструмент противодействия им. Или, например, размещенный негативный контент сам становится объектом воздействия (к нему размещаются критичные комментарии пользователей, после чего в СМИ делается акцент не на изначальном месседже, а на последующей реакции «общественности»). Неизменным остается важность эмоционального, ассоциативного ряда восприятия получаемой информации. В информационной войне система рационально выстроенных аргументов часто оказывается менее эффективной, чем создаваемые эмоциональный фон, вызываемые ассоциации. В краткосрочной перспективе это может приводить к иррациональным, деструктивным действиям граждан. Именно поэтому столь важным оказывается вернуть рациональность в саму систему информационного воздействия. Возвращения рациональности в общество – это одна из важнейших задач современного противостояния информационной войне. Например, решение геополитических задач весьма рационально выстроено авторами военного противостояния, но подаются эти идеи в общество в эмоциональной иррациональной форме. Отметим, что информационная война может быть также весьма растянута во времени. Так, процесс навязывания идентичности может занимать годы и даже десятилетия. Воздействие на потребителей информации, которые в информационной войне рассматриваются в качестве «серой массы», лишенной индивидуальности, выстраивается последовательно и комплексно. Важнейшим инструментом противостояния таким действиям является рефлексивный анализ, разработанный В.А. Лефевром.

Важнейшим элементом противодействия информационным войнам вне зависимости от тех технологий, которые используются, является выявление оппонентов и анализ их целей. Решение этой сложной самостоятельной задачи во многом определяет успех дальнейших действий, рационализацию проблем. Дальнейшие действия должны быть построены с учетом государственной политики в области информации и информационной безопасности. Значение соответствующих официальных документов становится все более важным в информационном противостоянии. При этом концептуализация государственной политики в информационном противостоянии является определяющей. Именно она позволяет рационализировать любое информационное противостояние, показать, что за эмоциями стоят хорошо продуманные цели. Должная концептуальная проработка позволяет не просто реагировать на сиюминутные вызовы, но и активно снижать риски внешних негативных воздействий».

В работе симпозиума приняли участие студенты и аспиранты Московского государственного лингвистического университета, Московского педагогического государствен-

ного университета, Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина, Уфимского государственного нефтяного технического университета, Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Южно-Уральского государственного университета, Финансового университета при Правительстве РФ, Военного университета Министерства обороны РФ имени князя Александра Невского, Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Высшей школы экономики и др.

Всероссийский симпозиум «Коммуникационный вектор» проводится всего два года, но и за этот короткий срок он показал свою высокую актуальность и эффективность.

Соб. инф.

Бабайцева Евгения Сергеевна, адъюнкт Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации.
E-mail: babaitsevaevgenia@gmail.com

МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (СОТРУДНИКОВ) ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Медицинское обеспечение как один из видов обеспечения занимает важное место в общей системе обеспечения силовых структур Российской Федерации, в том числе и Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации[1]. Произошедшие значительные преобразования в структуре войск национальной гвардии, включение в их личный состав новых категорий личного состава (сотрудников, федеральных государственных гражданских служащих) также существенно отразились на системе медицинского обеспечения войск национальной гвардии в целом.

В силу статьи 5 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» в их состав входят органы управления; объединения, соединения и воинские части; подразделения (органы), в которых в том числе проходят службу сотрудники, а также образовательные учреждения и иные организации. При этом статьей 24 указанного Федерального закона установлено, что личный состав войск национальной гвардии включает в себя военнослужащих, сотрудников и лиц гражданского персонала (федеральных государственных гражданских служащих и работников)[2].

С момента создания по настоящее время проводится большая работа в направлении нормативно-правового регулирования всех сфер деятельности войск национальной гвардии, включая и медицинское обеспечение военнослужащих (сотрудников). Однако в настоящее время остаются нерешенными многие проблемные вопросы, связанные с недостаточной правовой регламентацией медицинского обеспечения военнослужащих и сотрудников, которые в период проведения специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики и частичной мобилизации стали наиболее актуальны. Данные обстоятельства порождают необходимость всестороннего изучения системы общественных отношений, связанных с правовым регулированием медицинского обеспечения военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии.

Указанной теме, а также отдельным ее вопросам посвящено большое количество работ российских ученых[3].

---

[1] Далее – Росгвардия.

[2] Баранников М.М., Безбабнов О.Г., Гаврюшенко П.И. [и др.] Военно-административное право (Военная администрация): Учебник; Российский государственный университет правосудия. М.: Российский государственный университет правосудия, 2022. 449 с.

[3] Дамаскин О.В., Холиков И.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летной экспертизы в России // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 3 (162). С. 10-13. Корякин В.М. Военно-социальное право как подотрасль военного права // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2021. № 8 (289). С. 2-10; Наумов П.Ю., Большакова В.М.: Землин А.И. [и др.] Концептуальные аспекты производства ме-

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, особенности реализации этого права и порядок оказания медицинской помощи в лечебных, лечебно-поликлинических и профилактических ведомственных медицинских организациях, медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения установлены ст. 16 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», ст. 25 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 17.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», ст. 28 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», ст. 11 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и других нормативных правовых актах[1].

Напомним, что за последние годы законодательство Российской Федерации в области медицинского обеспечения военнослужащих претерпело большие изменения. Например, внесены изменения в Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» – дополнен статьей 17.1 «Медицинское обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов», которая наделила Минобороны России полномочиями по организации и нормативному регулированию медицинского обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в условиях военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны. Еще одной заслугой законодателя (инициатива Минобороны России) является внесение изменений в сфере охраны здоровья военнослужащих в Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, благодаря которым впервые получило нормативное закрепление понятие «медицинское обеспечение»; законодательно определены мероприятия медицинского обеспечения военнослужащих, которые в настоящее время включают в себя:

- оказание медицинской помощи военнослужащим (в том числе проведение диспансерного наблюдения и медицинской реабилитации, изготовление и ремонт зубных протезов;
- медицинские осмотры и медицинские обследования;
- диспансеризацию;
- санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия;
- медицинские экспертизы (освидетельствования);
- медико-психологическую реабилитацию военнослужащих;
- обеспечение военнослужащих лекарственными препаратами для медицинского применения и медицинскими изделиями;

дицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13, № 6. С. 283-306; Холиков И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002. 160 с.; Данилов Е.О. К вопросу о правовом статусе медицинской организации // Административное право и процесс. 2020. № 1. С. 76-79; Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 8 (301). С. 28-32.

[1] Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. 888 с.

Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022. 712 с.

- медицинский контроль за состоянием здоровья личного состава, изучение условий военной службы и быта военнослужащих, выявление факторов, отрицательно влияющих на их здоровье.

Юридическое закрепление понятия «медицинское обеспечение», а также определение мероприятий, оказываемых военнослужащим в рамках охраны их здоровья, является важным правовым шагом к упорядочиванию и пониманию данного вида обеспечения военнослужащих, в перспективе способствуя совершенствованию правового регулирования деятельности сил и средств обороны и безопасности нашего государства[1].

При этом указанные нормативные правовые акты касаются, в первую очередь, военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, других органов государственной власти, в которых предусмотрена военная служба, и не распространяются на сотрудников войск национальной гвардии, которым также гарантирована охрана их здоровья[2].

Проведя системный анализ нормативных правовых актов Российской Федерации в области медицинского обеспечения военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, можно выделить некоторые особенности данного вида социального обеспечения в войсках национальной гвардии.

1. Медицинское обеспечение военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии как предмет правового регулирования следует рассматривать:

во-первых, как неотъемлемую часть гарантий правовой защиты военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, представляющей собой обязанность государства обеспечивать охрану здоровья военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии и медицинскую помощь через закрепление в законах и иных нормативных правовых актах;

во-вторых, как неотъемлемую часть социальной защиты военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, включающей в себя комплекс мероприятий (оказание медицинской помощи, санаторно-курортное лечение, проведение медицинского освидетельствования, реабилитационные, санитарно-противоэпидемические, организационные и иные), направленных на сохранение и укрепление здоровья военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, профилактику заболеваний, своевременное оказание им медицинской помощи и восстановление их здоровья;

в-третьих, как право военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии на бесплатное получение медицинской помощи, в том числе изготовление и ремонт зубных протезов; бесплатное обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты; бесплатное обеспечение медицинскими изделиями по назначению врача в соответствующих медицинских, военно-медицинских подразделениях, частях и в организациях Росгвардии и МВД России; медицинскую помощь, которая организуется в соответствии с порядками оказания медицинской помощи и на основе стандартов медицинской помощи, утвержденных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения; санаторно-курортное обеспечение в профилактических, лечебных и реабилитационных целях за плату; медико-психологическую реабилитацию.

---

[1] Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 116-120.

[2] Ст. 28 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», ст. 11 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

2. Система правовых актов в области медицинского обеспечения военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии представляет сложную взаимосвязанную структуру и состоит из: группы нормативных правовых актов общего правового регулирования в области охраны здоровья человека; специального медицинского правового регулирования в области обеспечения социальной защиты граждан; общего военного правового регулирования в области обеспечения статуса военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии; специального военного правового регулирования в области обеспечения выполнения специальных и должностных обязанностей военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии; военного правового регулирования в области обеспечения особого правового регулирования, связанного с выполнением задач по обеспечению в особых правовых режимах.

3. В Росгвардии отсутствуют нормативные правовые акты с четкой регламентацией порядка организации и оказания медицинской помощи военнослужащим (сотрудникам) войск в условиях особых правовых режимов (в том числе в период мобилизации), при выполнении ими боевых (служебно-боевых) задач. Имеющиеся акты, в основном, затрагивают только организацию планирования медицинского обеспечения и не раскрывают конкретные мероприятия, связанные с предупреждением заболеваний, травм и боевых поражений личного состава, сохранением санитарно-эпидемиологического благополучия, оказанием медицинской помощи больным, раненым и пораженным и их эвакуации в назначенные медицинские организации, а также обеспечения медицинским имуществом.

Список литературы

Бабайцева Е.С., Холиков И.В. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 2 (60). С. 78-86.

Баранников М.М., Безбабнов О.Г., Гаврюшенко П.И. [и др.] Военно-административное право (Военная администрация): Учебник. М.: Российский государственный университет правосудия, 2022. 449 с.

Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. 888 с.

Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкинаю Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022. 712 с.

Дамаскин О.В., Холиков И.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летной экспертизы в России // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 3 (162). С. 10-13.

Данилов Е.О. К вопросу о правовом статусе медицинской организации // Административное право и процесс. 2020. № 1. С. 76-79.

Корякин В.М. Военно-социальное право как подотрасль военного права // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2021. № 8 (289). С. 2-10.

Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 8 (301). С. 28-32.

Метелицкий В.В., Наумов П.Ю., Дьячков А.А. Особенности психологической подготовки будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации для выполнения задач в особых условиях // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 62-65.

Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И. [и др.] Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений

по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13, № 6. С. 283-306.

Холиков И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002. 160 с.

Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 116-120.

Холиков И.В., Наумов П.Ю., Большакова В.М. [и др.] Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства в области обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: новый этап регулирования и правоприменения // Уголь. 2022. № 10 (1159). С. 66-71.

Белоусова Марина Сергеевна, юрисконсульт юридической службы Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, e-mail: marbelousova@yandex.ru

ЕДИНОВРЕМЕННЫЕ ВЫПЛАТЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ, ПОЛУЧИВШИМ РАНЕНИЕ (КОНТУЗИЮ, ТРАВМУ, УВЕЧЬЕ) В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ (ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ)

Специальная военная операция, проводимая в соответствии с решением Президента Российской Федерации на Донбассе, давно не ограничивается непосредственно зоной боевых действий – в той или иной степени она затронула всю страну и коснулась практически всех сфер жизни общества. В данном аспекте остро стали вопросы медицинского обеспечения при ее проведении, а также оказания медицинской помощи военнослужащим (сотрудникам) при ранениях (травмах, поражениях).

Эти вопросы давно привлекают внимание ученых и практиков, в научной литературе имеется массив разработок по данному вопросу, которые выступили информационной базой настоящего исследования[1]. Однако специальная военная операция поставила

[1] Бабайцева Е.С. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации / Е.С. Бабайцева, И.В. Холиков // Военное право. 2020. № 2 (60). С. 78-86.; Большакова В.М. Медицинское обеспечение как особый вид обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов: комментарий к статье 17.1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 г. / В.М. Большакова Г.В. Енгибарян П.Ю. Наумов // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2021. № 2 (283). С. 30-37; Большакова В.М. Отдельные аспекты организации и осуществления судебной защиты интересов медицинских организаций федеральных органов исполнительной власти, где федеральным законом предусмотрена военная служба / В.М. Большакова, Г.В. Енгибарян, П.Ю. Наумов // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 12-1. С. 49-56; Большакова В.М. Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации / В.М. Большакова, И.В. Холиков, П.Ю. Наумов // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14. № 1. С. 103–127; Большакова В.М. Нормативное правовое регулирование обязанности медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации по информированию граждан о получении медицинской помощи в рамках программ государственных гарантий / В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, Г.В. Енгибарян // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2021. № 4 (285). С. 30-38; Бухтияров И.В. Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», ответственный редактор А.А. Мохов. М.: «Проспект», 2022. материалы дискуссии) / И.В. Бухтияров, И.В. Холиков, В.М. Большакова, П.Ю. Наумов // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63. № 1. С. 67–73; Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. //Т. II. Современное состояние военного права (институты военного права). М.: ООО «Центр правовых коммуникаций», 2021. 888 с.; Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. // Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. Москва. ООО «Центр правовых коммуникаций», 2022. 712 с.; Гаврилов С.О. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») / С.О. Гаврилов, И.Н. Глебов, С.Г. Чукин [и др.] // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67; Дамаскин О.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летной экспертизы в России / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 3(162). С. 10-13; Медицинское право России: учебник / отв. ред. А.А. Мохов, Москва: Проспект, 2022. 544 с.; Наумов П.Ю. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы / П.Ю. Наумов, В.М. Большакова, А.И. Землин, И.В. Холиков // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283–306; Новиков Н.С. Фи-

и новые вопросы перед медицинским и иными видами обеспечения в силу специфики правового статуса ее участников и «молодости» нормативного правового регулирования многих вопросов, связанных с ее проведением[1].

В частности, остро встали вопросы реализации участниками специальной военной операции их прав и социальных гарантий: права на отдых, на своевременную и качественную медицинскую помощь, на получение в полном объеме денежного довольствия и иных выплат – и это лишь часть проблемных моментов. Значительное количество вопросов, требующих скорейшего решения, возникло и перед близкими людьми участников специальной военной операции.

Одной из проблем, заслуживающих внимания, является реализация военнослужащим, получившим ранение (контузию, травму, увечье) в ходе проведения специальной военной операции, права на предоставление ему меры социальной поддержки в виде единовременной выплаты в размере 3 млн рублей, установленной Указом Президента Российской Федерации от 05.03.2022 № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» (далее – Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 98).

Следует отметить, что, в отличие от Постановления Правительства Российской Федерации от 29.07.1998 № 855, утвердившего Перечень увечий (ранений, травм, контузий), относящихся к тяжелым или легким, при наличии которых принимается решение о наступлении страхового случая по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания поли-

---

зическое и психическое здоровье военнослужащих как социально-правовая ценность / Н.С. Новиков, П.Ю. Наумов, А.А. Утюганов // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3 (23). С. 450–458; Холиков И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала / И. В. Холиков. М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002. 160 с.; Холиков И.В. Гуманитарно-правовое регулирование использования госпитальных судов в современных условиях // Мир транспорта. 2022. Т. 20. № 5 (102). С. 76–83; Холиков И.В. Правовые аспекты сотрудничества медицинской служб Вооруженных Сил Российской Федерации и Международного комитета военной медицины / И.В. Холиков // Военно-медицинский журнал. 2003. Т. 324. № 1. С. 26–27; Холиков И.В. Перспективы совершенствования правовой регламентации врачебно-летной экспертизы в государственной авиации / И.В. Холиков, В.С. Вовкодав // Военное право. 2022. № 2 (72). С. 154–158; Яковлев С.С. О медико-юридических аспектах международного гуманитарного права (к 190-летию со дня рождения Н.И. Пирогова) / С.С. Яковлев, И.В. Холиков, В.А. Батырь // Военно-медицинский журнал. 2000. Т. 321. № 11. С. 47–51.

[1] Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 8 (301). С. 28–32; Корякин В.М. Специальная военная операция диктует необходимость корректировки законодательства о военной службе и социальной защите военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 9 (302). С. 2–5; Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Правовой режим специальных военных операций: сравнительно-правовой анализ // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 4 (297). С. 2–12; Кудашкин А.В. Специальная военная операция – современный пример правовой институциализации // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 12 (305). С. 46–51.

ции (далее – Перечень, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 29.07.1998 № 855), Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 98 не содержит какого-либо перечня ранений (контузий, травм, увечий), с диагностированием которых связано осуществление единовременной выплаты, а также не дифференцирует размер выплаты в зависимости от тяжести ранения. Более того, согласно п. 2 названного Указа получение установленных им единовременных выплат не учитывается при определении права на получение иных выплат и при предоставлении мер социальной поддержки, предусмотренных законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

Из данного положения следует, что в связи с одним и тем же фактом получения травмы военнослужащий вправе претендовать как на единовременную выплату, установленную Указом Президента РФ от 05.03.2022 № 98, так и на страховую сумму, выплачиваемую в соответствии с Федеральным законом от 28.03.1998 № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации». Оформление медицинским учреждением военнослужащему справки о ранении (контузии, травме, увечье) не находится в зависимости от тяжести (тяжелое или легкое) полученного военнослужащим увечья (ранения, травмы, контузии) и от его включения в Перечень, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 29.07.1998 № 855. Данный Перечень в принципе не может и не должен применяться военно-медицинскими учреждениями при решении вопроса о возможности выдачи военнослужащему справки о ранении (контузии, травме, увечье), поскольку такая справка должна выдаваться при диагностировании у военнослужащего военно-медицинским учреждением ранения (контузии, травмы, увечья), полученного в ходе проведения специальной военной операции. В то же время заболевание, не являющееся ранением (контузией, травмой, увечьем), даже в случае, если его возникновение было обусловлено ситуацией,

возникшей при выполнении специальных задач в зоне специальной военной операции, основанием для оформления справки о ранении (контузии, травме, увечье) не является[1].

На практике лаконичная формулировка подп. «б» п. 1 Указа Президента РФ от 05.03.2022 № 98 периодически провоцирует злоупотребление правом со стороны военнослужащих, так как рапорты о принятии решения о назначении единовременной выплаты поступают командованию как при серьезных ранениях, влекущих невозможность человека в дальнейшем вернуться к нормальной жизни, так и при условных «царапинах» (растяжение связок, поверхностные повреждения кожного покрова и т.д.). При этом правовые основания для отказа в осуществлении выплаты в последнем случае отсутствуют.

Кроме того, имеют место случаи обращения за получением выплаты по причине травм, хоть и полученных в ходе проведения специальной военной операции, но не связанных с выполнением специальных задач (например, в результате преступного посягательства или по личной неосторожности).

В настоящее время можно говорить о вполне сложившейся судебной практике, согласно которой единовременная выплата должна осуществляться военнослужащему только в связи с получением им ранения (контузии, травмы, увечья) при выполнении специальных задач. При этом определение возможности производства выплаты в зависимости от фактических обстоятельств получения травмы отнесено к компетенции командира (начальника) воинской части, в которой военнослужащий проходит (проходил) военную службу и выражается в наделении его правом принимать решение либо о назначении пострадавшему единовременной выплаты, либо об отказе в ее назначении[2]. Соответствующие положения закреплены, в частности, в п. 3 и 4 Порядка назначения и осуществления единовременных выплат в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 22.04.2022 № 236, а также в п. 11 Порядка назначения и осуществления единовременных выплат в войсках национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 07.03.2022 № 66.

Так, Южный окружной военный суд признал правомерным отказ командира войсковой части в осуществлении единовременной выплаты военнослужащему М., получившему ранение в результате противоправных действий сослуживца, указав, что травма получена пострадавшим, находившимся на территории проведения специальной военной операции, в результате межличностного конфликта с другим военнослужащим, а не в связи с непосредственным выполнением специальных задач. При этом из судебного акта следует, что военнослужащему в связи с полученной травмой была перечислена страховая выплата в размере 296 846 руб. 10 коп.[3]

Очевидно, что в данном случае вопрос получения дополнительной денежной компенсации за причиненный физический и моральный вред может быть решен М. только путем предъявления гражданского иска к причинителю вреда.

---

[1] Апелляционное определение Южного окружного военного суда от 20.01.2023 № 33а-60/2023. URL: https://yovs--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14101934&delo_id= 42&new=0&text_number=1 (дата обращения: 03.06.2023); Апелляционное определение Южного окружного военного суда от 27.01.2023 № 33а-88/2023. URL: https://yovs--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14510651&delo_id=42&new=0&text_number=1 (дата обращения: 03.06.2023); Апелляционное определение Южного окружного военного суда от 03.02.2023 № 33а-127/2023. URL: https://yovs--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14515405&delo_id=42&new=0&text_number=1 (дата обращения: 03.06.2023) и др.

[2] Правовая позиция Центрального окружного суда изложена в апелляционном определении от 18.10.2022 № 33а-403/2022. URL: https://covs--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=755835&delo_id=42&new=0&text_number=1 (дата обращения: 03.06.2023).

[3] Апелляционное определение Южного окружного военного суда от 03.02.2023 № 33а-125/2023. URL: https://yovs--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14503610&delo_id=42&new=0&text_number=1 (дата обращения: 03.06.2023).

Тем же судом признан законным отказ командира войсковой части в единовременной выплате военнослужащему войск национальной гвардии Российской Федерации Г., обеспечивавшему безопасность проведения референдума на избирательном участке в зоне проведения специальной военной операции. В данном случае суд указал, что причиной получения травмы военнослужащим явилась личная неосторожность последнего и нарушение им требований безопасности военной службы: в тот момент, когда Г. находился на лестничном марше между первым и вторым этажами, минно-разыскная собака неожиданно для него побежала вниз по лестнице и потянула за собой поводок, который запутался у него в ногах, в связи с чем он потерял равновесие и упал на ступеньки лестницы. Таким образом, хотя травма и была получена Г. при исполнении обязанностей военной службы, однако не находится в прямой причинно-следственной связи с выполнением служебно-боевых задач в период проведения специальной военной операции. По этой причине права на получение единовременной выплаты Г. не имеет[1].

Следует отметить, что судебные акты по делам, затрагивающим интересы участников специальной военной операции, публикуются для всеобщего ознакомления преимущественно Южным окружным военным судом, который фактически и формирует судебную практику по ряду актуальных вопросов. Судебные акты, принимаемые военными судами других военных округов, а также Кассационным военным судом, в открытом доступе в сети Интернет практически отсутствуют, хотя их опубликование с соблюдением требований, установленных ст. 15 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» было бы весьма полезно для всех участников правоотношений.

Порядок назначения и осуществления единовременной выплаты, установленной Указом Президента РФ от 05.03.2022 № 98, в Вооруженных Силах Российской Федерации определен приказом Министра обороны Российской Федерации от 22.04.2022 № 236. Пунктом 4 данного Порядка предусмотрено, что решение о назначении единовременной выплаты военнослужащему, принимающему участие в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины, получившему ранение (контузию, травму, увечье) в ходе проведения специальной военной операции, принимается командиром (начальником) воинской части, в которой военнослужащий проходит (проходил) военную службу, на основании определенного перечня документов, в который входит, в том числе, рапорт военнослужащего на получение единовременной выплаты, исполненный по рекомендуемому образцу, требующему собственноручного заполнения и личной подписи военнослужащего.

Однако случаются ранения, при которых военнослужащий физически лишен возможности собственноручно написать рапорт. В большинстве случаев проблема может быть решена путем выдачи военнослужащим близкому лицу доверенности – нотариальной либо удостоверенной должностным лицом военно-лечебного учреждения (начальником учреждения, его заместителем по медицинской части, а при их отсутствии старшим или дежурным врачом) в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 185.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс РФ).

При этом следует с сожалением отметить, что, несмотря на прямое указание закона о равенстве нотариально удостоверенных доверенностей и доверенностей, удостоверенных должностными лицами военно-лечебного учреждения, на практике отношение к ним отличается. Например, при предъявлении в банковской организации доверенности, удостоверенной должностным лицом военно-лечебного учреждения, отношение к ней в большинстве случаев будет настороженным: банковские работники, вероятнее всего, предпримут попытки проверить подлинность такой доверенности и сам факт ее выдачи, а также могут в принципе отказаться ее принять, ссылаясь на несоответствие форму-

[1] Апелляционное определение Южного окружного военного суда от 14.04.2023 № 33а-371/2023. URL: https://yovs--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14597008&delo_id=42&new=0&text_number=1 (дата обращения: 03.06.2023).

лировок доверенности внутренним регламентирующим документам, отсутствующим в свободном доступе.

Согласно ст. 44 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 и п. 5.11 ст. 5 Методических рекомендаций по удостоверению доверенностей, утвержденных решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 18.07.2016, протокол № 07/16 (письмо Федеральной нотариальной палаты от 22.07.2016 № 2668/03-16-3), если гражданин вследствие физических недостатков, болезни или по каким-либо иным причинам не может лично расписаться в доверенности, по его поручению (просьбе), в его присутствии и в присутствии нотариуса документ может подписать другой гражданин (рукоприкладчик) с указанием причин, в силу которых документ не мог быть подписан собственноручно гражданином. Формально возможность подписания доверенности рукоприкладчиком в отсутствие нотариуса не предусмотрена, однако здесь представляется возможным применить аналогию закона, прибегнув к помощи рукоприкладчика в том числе в случае удостоверения доверенности должностным лицом военно-лечебного учреждения. Такая правовая позиция выражена, в частности, в апелляционном определении Московского областного суда от 21.05.2014 № 33-7667/2014, где суд прямо указывает, что подпись рукоприкладчика должна быть засвидетельствована нотариусом либо другим должностным лицом, имеющим право совершать такое нотариальное действие[1]. В противном случае придется иметь дело с нелогичной ситуацией, при которой пациент военно-лечебного учреждения, способный самостоятельно расписаться, сможет выдать доверенность через должностное лицо соответствующего учреждения, а пациент, в большей степени ограниченный в физических возможностях ввиду увечья и нуждающийся в помощи рукоприкладчика, будет вынужден приглашать нотариуса.

Вышеуказанные нормы, регламентирующие участие рукоприкладчика в процессе выдачи доверенности, широко применяются пациентами военно-лечебных учреждений, лишенными верхних конечностей в результате ампутации, парализованными, потерявшими зрение. В качестве рукоприкладчика обычно привлекается лечащий врач пациента

[1] Апелляционное определение Московского областного суда от 21.05.2014 № 33-7667/2014. URL: https://oblsud--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6427712&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 03.06.2023).

или кто-либо из медицинского персонала военно-лечебного учреждения, с кем у пациента сложились доверительные отношения.

Гораздо сложнее обстоят дела в случае, когда военнослужащий не просто не может подписать документ в силу физических недостатков, а не способен сделать это ввиду своего тяжелого ментального состояния: пребывает в вегетативном состоянии, малом (минимальном) сознании или коме. При этом восстановление пациента из таких состояний, вызванных травматическим повреждением мозга, по прошествии длительного периода хоть и считается маловероятным, однако не исключено[1].

Таким образом, складывается ситуация, при которой военнослужащий, получивший ранение (контузию, травму, увечье) в ходе проведения специальной военной операции, имеет право на единовременную выплату, но фактически не может данное право реализовать. Также данным правом в интересах военнослужащего не могут воспользоваться его близкие, поскольку не имеют возможности получить доверенность на совершение соответствующих действий. При этом излишне говорить о том, насколько важны бывают для военнослужащего и его близких денежные средства, которые могли бы быть потрачены, в том числе, на скорейшую реабилитацию пациента и обеспечение ему должного ухода.

Единственным выходом из данной ситуации может быть признание военнослужащего недееспособным с последующем назначением ему опекуна, который будет действовать от его имени и в его интересах. Однако, согласно ст. 29 Гражданского кодекса РФ, недееспособным судом может быть признан лишь гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими. Также установление опеки, в соответствии со ст. 32 Гражданского кодекса РФ, предусмотрено только над гражданами, признанными судом недееспособными вследствие психического расстройства.

Очевидно, что в случае вегетативного состояния, малого сознания или комы можно ставить вопрос о психической неполноценности пациента, однако представляется спорным утверждение о наличии у него психического расстройства, поскольку данное обстоятельство затруднительно оценить по объективным причинам.

Тем не менее, практика решения подобных вопросов существует, и в качестве примера можно привести случай с военнослужащим П., получившим тяжелую травму мозга в ходе проведения специальной военной операции и длительное время находившимся на стационарном лечении в военно-лечебном учреждении. В течение всего периода лечения состояние пациента оставалось стабильно тяжелым без существенной динамики и оценивалось как вегетативное. В итоге супругой П. была инициирована процедура признания его недееспособным в судебном порядке. Решением Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга от 18.01.2023 по гражданскому делу № 2-1464/2023 иск супруги военнослужащего удовлетворен.

Из судебного акта, текст которого в силу ограничений, установленных ч. 5 ст. 15 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», не подлежит размещению в сети Интернет, но с которым автор статьи имел возможность ознакомиться, следует, что в ходе рассмотрения дела судом была назначена комиссионная судебно-психиатрическая экспертиза. Комиссией экспертов было дано заключение, согласно которому, учитывая тяжесть и стойкий характер имеющихся нарушений, которые приводят к неспособности организовать свою повседневную деятельность в соответствии с потребностями практической жизни, П. не может понимать значение своих действий и руководить ими. При таких обстоятель-

[1] KennethMaiese. Вегетативное состояние и состояние минимального сознания:// Справочник MSD. Профессиональная версия. URL: https://www.msdmanuals.com/ru-ru/профессиональный/неврологические-расстройства/кома-и-нарушения-сознания/вегетативное-состояние-и-состояние-минимального-сознания (дата обращения: 03.06.2023); Что такое кома и сколько в ней можно находиться:// rg.ru. Новости. URL: https://rg.ru/2016/12/14/chto-takoe-koma-i-skolko-v-nej-mozhno-nahoditsia.html (дата обращения: 03.06.2023).

ствах суд, сославшись на положения ст. 29 Гражданского кодекса РФ, пришел к выводу о наличии достаточных оснований для признания П. недееспособным.

С одной стороны, вышеописанная процедура способствует защите прав и законных интересов военнослужащего и ограждает его от неправомерных действий третьих лиц, поскольку решение принимается судом на основании экспертного заключения, следовательно, является максимально объективным. Однако, с другой стороны, длительность решения проблемы создает препятствия к скорейшей реализации прав пострадавшего. Так, приведенное в качестве примера гражданское дело рассматривалось судом около полугода, и, кроме того, открытым остается вопрос, по истечении какого времени с момента диагностирования у пациента нарушения сознания возможно в принципе обращаться в суд с заявлением о признании его недееспособным.

Как следует из ч. 5 ст. 36 Гражданского кодекса РФ, если состояние военнослужащего улучшится и таким образом основания, в силу которых он был признан недееспособным, отпадут, опекун будет обязан ходатайствовать перед судом о признании подопечного дееспособным и о снятии с него опеки. Самому подопечному такое право законодательством не предоставлено, хотя, как следует из вышесказанного, он лишается дееспособности не ввиду наличия у него психического заболевания как такового, а по причине нахождения в беспомощном состоянии в связи с травмой.

Подводя итог вышесказанному, представляется целесообразным принять меры к нормативному урегулированию вопросов представительства интересов военнослужащих, пребывающих в вегетативном состоянии, малом сознании и коме, с целью скорейшей реализации их прав на получение единовременной выплаты, установленной Указом Президента РФ от 05.03.2022 № 98. Так, возможно предусмотреть волеизъявление военнослужащего, направляемого в зону специальной военной операции, относительно назначения лица, уполномоченного на получение единовременной выплаты в случае, если сам военнослужащий будет не в состоянии реализовать данное право в силу тяжести полученного ранения (контузии, травмы, увечья). Кроме того, возможно разработать механизм контроля за расходованием положенной военнослужащему единовременной выплаты в случае ее получения уполномоченным лицом.

Список литературы

Бабайцева Е.С. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации / Е.С. Бабайцева, И.В. Холиков // Военное право. 2020. № 2 (60). С. 78-86.

Большакова В.М. Медицинское обеспечение как особый вид обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов: комментарий к статье 17.1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 г. / В.М. Большакова, Г.В. Енгибарян, П.Ю. Наумов // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2021. № 2 (283). С. 30-37.

Большакова В.М. Отдельные аспекты организации и осуществления судебной защиты интересов медицинских организаций федеральных органов исполнительной власти, где федеральным законом предусмотрена военная служба / В.М. Большакова, Г.В. Енгибарян, П.Ю. Наумов // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 12-1. С. 49-56.

Большакова В.М. Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации / В.М. Большакова, И.В. Холиков, П.Ю. Наумов // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14. № 1. С. 103–127.

Большакова В.М. Нормативное правовое регулирование обязанности медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации по информированию граждан о получении медицинской помощи в рамках программ государственных гарантий / В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, Г.В. Енгибарян // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 4 (285). С. 30-38.

Бухтияров И.В. Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», ответственный редактор А.А. Мохов, изд-во «Проспект», 2022, – материалы дискуссии) / И.В. Бухтияров, И.В. Холиков, В.М. Большакова, П.Ю. Наумов // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63. № 1. С. 67–73.

Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. // Том II. Современное состояние военного права (институты военного права). М.: ООО «Центр правовых коммуникаций», 2021. 888 с.

Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. // Том III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: ООО «Центр правовых коммуникаций», 2022. 712 с.

Гаврилов С.О. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») / С.О. Гаврилов, И.Н. Глебов, С.Г. Чукин [и др.] // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67.

Дамаскин О.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летной экспертизы в России / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 3 (162). С. 10-13.

Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 8 (301). С. 28–32.

Корякин В.М. Специальная военная операция диктует необходимость корректировки законодательства о военной службе и социальной защите военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 9 (302). С. 2–5.

Кудашкин А.В., Мельник, Н.Н. Правовой режим специальных военных операций: сравнительно-правовой анализ // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 4 (297). С. 2–12.

Кудашкин А.В. Специальная военная операция – современный пример правовой институциализации // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 12 (305). С. 46–51.

Медицинское право России: учебник / отв. ред. А.А. Мохов. М.: Проспект, 2022. 544 с.

Наумов П.Ю. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы / П.Ю. Наумов, В.М. Большакова, А.И. Землин, И.В. Холиков // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283–306.

Новиков Н.С. Физическое и психическое здоровье военнослужащих как социально-правовая ценность / Н.С. Новиков, П.Ю. Наумов, А.А. Утюганов // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3 (23). С. 450–458.

Холиков И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала / И.В. Холиков. М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002. 160 с.

Холиков И.В. Гуманитарно-правовое регулирование использования госпитальных судов в современных условиях // Мир транспорта. 2022. Т. 20. № 5 (102). С. 76–83.

Холиков И.В. Правовые аспекты сотрудничества медицинской служб Вооруженных Сил Российской Федерации и Международного комитета военной медицины / И.В. Холиков // Военно-медицинский журнал. 2003. Т. 324. № 1. С. 26–27.

Холиков И.В. Перспективы совершенствования правовой регламентации врачебно-летной экспертизы в государственной авиации / И.В. Холиков, В.С. Вовкодав // Военное право. 2022. № 2 (72). С. 154–158.

Яковлев С.С. О медико-юридических аспектах международного гуманитарного права (к 190-летию со дня рождения Н.И. Пирогова) / С.С. Яковлев, И.В. Холиков, В.А. Батырь // Военно-медицинский журнал. 2000. Т. 321. № 11. С. 47–51.

Сливченко Ольга Евгеньевна, магистрант Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета
E-mail: olia.soe@yandex.ru

СВОБОДА СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИТАЛИИ

В Италии понимание свободы журналистской деятельности связано с историческими и культурными особенностями народа, проживающего на территории страны. Италия прошла долгий путь от ограниченной свободы СМИ к современному состоянию журналистики.

Обращаясь к лингвистическим особенностям восприятия свободы, необходимо установить, какие дефиниции предлагают итальянские словари в отношении понимания «свобода». Словарь итальянского языка предлагает следующее определение: «свобода – это право делать свой выбор и действовать в соответствии со своими убеждениями, не ущемляя чужие права и соблюдая правила организованной системы; например, *свобода прессы, право публиковать новости и мнения без предварительной цензуры*», а также «Состояние того, кто свободен; … кто имеет возможность действовать, не подчиняясь власти или господству других» в данном контексте антонимом к слову будут являться «*рабство, плен*»[1]. Еще несколько определений предлагает Международный итальянский словарь: «свобода – это независимость политического сообщества от иностранного господства или внутренней диктатуры с существованием свободных институтов; отсутствие контроля в поведении или языке»[2].

В разное время итальянские философы задумывались о вопросах свободы. Бенедетто Кроче в труде «Антология сочинений по философии» излагал свои мысли о свободе как о неуловимом понятии[3]. Свобода – понятие, характеризующееся самоценностью для жизни человека, причем для осознания значимости как своей личности, так и каждого члена социума. По мнению Кроче, свобода есть основной движущий фактор исторического развития общества.

Тот факт, что феномен свободы – вопрос вечный, признает Никола Аббаньяно. Его труды доказывают, что многие путают свободу со вседозволенностью, и в этот момент свобода оборачивается безграничным и лишенным норм волеизъявлением, что приводит к отрицательным последствиям и самоуничтожению свободы[4]. Истинную свободу Аббаньяно видит в солидарности и возрождении нравственных ценностей и идеалов, которые необходимы человеку на его жизненном пути.

Другая неопределенная формулировка принадлежит Норберто Боббио, который утверждает, что нет более непостоянного понятия, чем свобода, ибо каждая партия и

[1] Dizionario di italiano – словарь итальянского языка. URL: https://dizionari.repubblica.it/Italiano/L/liberta.html (дата обращения: 19.07.2023).

[2] Dizionario Internazionale. URL: https://dizionario.internazionale.it/parola/liberta (дата обращения: 19.07.2023).

[3] Кроче Б. Антология сочинений по философии. История. Экономика. Право. Этика. Поэзия. СПб. 1999. С. 211-235.

[4] Аббаньяно Н. Мудрость жизни. СПб, 1996. 320 с.

власть используют значение слова в своих собственных интересах[1], каждый остается свободен в меру своих представлений о дозволенном и возвышенном.

Вопрос свободы СМИ можно рассматривать с точки зрения правового обеспечения беспрепятственной деятельности журналистов. Помимо определений из различных словарей, существуют критерии свободы, обозначенные законами страны, поэтому свобода прессы – не абстрактное понятие.

На утверждение международных документов по вопросам прав человека мировое сообщество подтолкнула Вторая мировая война. Зверства, совершенные в период с 1939 г. по 1945 г., заставили мировое сообщество задуматься о неприкосновенности каждой личности и необходимости ее защиты, как со стороны государства, так и со стороны международных организаций. Произвол в отношении любого человека недопустим, поэтому международное сообщество взяло под контроль регулирование ситуации[2].

На начальном этапе Организация Объединенных Наций объявила о включении в устав организации новой цели – утверждение «уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии»[3]. Вторым шагом было принятие Всеобщей декларации прав человека[4].

Основа деятельности всех СМИ – свобода слова – в правовом плане базируется на положениях Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах», – гласит она. Третья статья Декларации провозглашает право каждого человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность.

Затем началась полномасштабная работа по закреплению прав человека в других обязательных международных соглашениях. Конвенция о защите прав и свобод человека, принятая в 1950 г. Советом Европы и вступившая в силу в 1953 г., закрепляет неотъемлемые права личности[5]. В 5 статье утверждается право каждого на свободу и личную неприкосновенность. Государство несет ответственность за соблюдение всех прав и свобод, указанных в документе – это также предусмотрено в Конвенции.

Всеобщая декларация прав человека стала основой для Декларации об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне, принятой Генеральной Конференцией ЮНЕСКО 28 ноября 1978 г.[6] Документ утверждает важность беспрепятственного получения информации средствами массовой информации от государственных органов, а также взаимное сотрудничество двух властей, государственной и «четвертой», для сохранения мира и единства в обществе.

Основным законом, который гарантирует свободную деятельность итальянских журналистов, является Конституция. Главный закон Республики в 21 статье провозглашает свободу слова и отсутствие цензуры, а также разрешает распространение информации

---

[1] Bobbio N. Libertà e potere. Torino, 1955. P. 269-282.

[2] Кондратова Я. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года: структура и содержание. Журнал Океанский менеджмент, 2020. 35 с.

[3] Устав ООН. Глава I: Цели и принципы. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-1 (дата обращения: 19.07.2023).

[4] Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 19.07.2023).

[5] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Бюллетень международных договоров. Март 2001 г. № 3.

[6] Декларация об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_141.shtml (дата обращения: 19.07.2023).

любым способом: устно, письменно и т.д. Запрещается публикация только тех материалов, которые «противоречат добрым нравам»[1].

К законодательной базе, подкрепляющей свободу журналистской деятельности, можно отнести и Закон о печати (La legge sulla stampa). Он устанавливает понятие «печать» и обуславливает все правила оформления и существования печатного издания. Любое итальянское СМИ должно быть зарегистрировано для продолжения своей профессиональной деятельности. Издание печатной продукции без регистрации уголовно наказуемо.

В 1993 г. Национальная Федерация итальянской прессы (FNSI) и Национальный совет Ордена журналистов утвердили и подписали Хартию обязанностей журналиста в Италии[2], которая является Этическим кодексом журналиста, работающего на территории Итальянской Республики. Документ гласит, что любой представитель прессы и медиа «должен уважать, поддерживать и защищать право всех людей на получение информации; с этой целью он собирает и распространяет любую информацию, которая, по его мнению, является социально значимой, руководствуясь принципом достоверности. Журналист анализирует и распространяет новости, представляющие общественный интерес, несмотря на препятствия, которые могут возникнуть в его работе; он предпринимает все усилия для того, чтобы гарантировать людям знание всех общедоступных документов». Более того, в итальянском кодексе отдельно обозначена категория «мнения журналиста». Согласно Хартии, работник СМИ может свободно комментировать события и высказывать свое мнение, так как это является проявлением свободы слова и критики.

Большую роль в журналистской деятельности играет Союз журналистов Италии. Он носит название La Federazione Nazionale Stampa Italiana (FNSI) – Национальная Федерация итальянской прессы[3]. Главными целями FNSI провозглашает защиту свободы прессы, защиту моральных и материальных прав и интересов работников медиасферы. Это единый, автономный орган, независимый от других профессиональных союзов. В каждой области Италии есть свое объединение журналистов, которое на региональном уровне занимается решением вопросов, связанных с профессиональной деятельностью. Особенность итальянской журналистики заключается в том, что заниматься журналистским делом может любой гражданин Италии вне зависимости от образования. Основным критерием профессиональной пригодности такого человека является прохождение 18-месячной практики в любом итальянском СМИ и сдача государственного экзамена после ее окончания. Аналогов такого явления нет ни в одной европейской стране.

Организация по контролю распространению прессы Accertamenti Diffusione Stampa (ADS)[4] осуществляет поддержку свободной итальянской прессы. Это объединение редакций и рекламных подразделений, которые занимаются сертификацией и распространением данных о циркуляции периодической печати на территории Италии. Отслеживание сертификации, проведение проверок, установление мер и условий для выдачи лицензии прессе – все это функции ADS. В связи с переходом большинства продукции в интернет-пространство ADS устанавливает стандарты и для цифровых изданий.

Сами журналисты по-разному отзываются о своей деятельности в Италии[5]. Анна Дель Фрео, итальянская журналистка, высказывает мнение о том, что журналистика в Италии – рискованное занятие. Это связанно с тем, что на ее территории действует ма-

---

[1] La Costituzione della Repubblica Italiana, Articolo 21. URL: https://www.senato.it/istituzione/la-costituzione/parte-i/titolo-i/articolo-21 (дата обращения: 19.07.2023).

[2] La Carta dei doveri del giornalista // URL: http://www.odg.campania.it/res/ftpodgcampania/resources/doc/carta_dei_doveri_giornalista.pdf (дата обращения: 19.07.2023).

[3] La Federazione Nazionale Stampa Italiana (FNSI). Национальная Федерация итальянской прессы. URL: https://www.fnsi.it/chi-siamo (дата обращения: 19.07.2023).

[4] Accertamenti Diffusione Stampa. URL: https://www.adsnotizie.it/index.asp (дата обращения: 19.07.2023).

[5] Косолапкин В. Профессия журналиста глазами итальянки. URL: https://kazan.bezformata.com/listnews/professiya-zhurnalista-glazami italyanki/77226940/?ysclid=lb9hhx4zpa365648574 (дата обращения: 19.07.2023).

фия, которая не всегда согласна с мнением прессы. По мнению журналистки, в Италии «крупный и сильный союз журналистов», который справляется со своей главной задачей – защитой трудовых прав журналистов. На сегодняшний день итальянские СМИ выборочно получают государственную поддержку, «предпочтение отдается политическим и католическим изданиям». В связи с этим можно говорить о плюрализме, но с некоторыми ограничениями.

По мнению итальянского бизнесмена Андреа Беттони, положение журналистов очень неустойчивое. В Италии заявляют, что свобода слова и самовыражения присутствуют. Однако журналист утверждает обратное: многие журналисты боятся выражать свою точку зрения, чтобы не портить репутацию и не попасть под шквал критики и обвинений[1]. Например, одно из табу – критика католической церкви. Точка зрения, не схожая с господствующей в обществе, осуждается и даже дискредитируется.

Марио Корти, журналист, работавший в сфере итальянского и российского медиабизнеса, говорит о том, что итальянский журналист отвечает за свои слова только перед коллегами и аудиторией, а не перед издательством и властями, т.е. журналистский кодекс в Италии играет значимую роль. Итальянские журналисты занимаются журналистикой фактов, а мнение у них четко отделено от сухих фактов[2].

СМИ не могут существовать отдельно от государственного аппарата и общества в целом. Если рассматривать свободу слова с точки зрения влияния событий последнего года, то в Италии ситуация на Украине освещается лишь с одной стороны. При этом у журналистов с оппозиционными взглядами не всегда есть возможность высказаться на широкую аудиторию[3]. Одностороннее освещение события на Украине наглядно показывает ущербность свободы итальянской прессы. В качестве подтверждения можно привести тот факт, что ни одно издание не использует термин «специальная военная операция».

Таким образом, деятельность СМИ базируется на международных стандартах журналистики, которые закреплены в законах, уставах, положениях редакций и профессиональных союзов. Факт является центром построения журналистского материала, а мнение – отдельно существующий феномен. В то же время для деятельности журналистов в Италии характерна самоцензура, что обусловлено историческими предпосылками, а также подконтрольностью прессы партиям, государству и владельцам крупного бизнеса.

Список литературы

1. Аббаньяно Н. Мудрость жизни. СПб, 1996. 320 с.

2. Bobbio N. Libertà e potere. Torino, 1955. 269-282 p.

3. Кондратова Я. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года: структура и содержание. Журнал Океанский менеджмент, 2020. 35 с.

4. Кроче Б. Антология сочинений по философии. История. Экономика. Право. Этика. Поэзия. СПб. 1999. 235 с.

[1] Беттони Андреа: «Итальянцы не думают отменить русскую культуру». URL: https://vestitver.ru/dailynews/andrea-bettoni-italyantsy-ne-dumayut-otmenit-russkuyu-kulturu/?ysclid=lb9shnwswx584572845 (дата обращения: 19.07.2023).

[2] Центр информационных коммуникаций. Интервью с Марио Корти: Российская журналистика более публицистична, чем западная, 2008. URL: http://www.commcenter.ru/analitics/articles/2008_03_31.html (дата обращения: 19.07.2023).

[3] Из интервью Джорджио Бьянки информационному агентству URA.ru. URL: https://ura.news/articles/1036284276?ysclid=lewpjdknzw614678988 (дата обращения: 19.07.2023).

Родионов Алексей Евгеньевич, магистрант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.
E-mail: alex.kreativ@mail.ru

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПОДДЕРЖАНИИ РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Правовые вопросы, связанные с режимом нераспространения ядерного оружия (ЯО), занимают одно из ключевых мест в международном праве, наравне с правовыми режимами, регламентирующими другие виды оружия массового поражения, в частности, химическое и биологическое[1]. Профессиональные мнения и научная доктрина по вопросам, связанным с распространением ЯО, начали формироваться уже после его первого и единственного боевого применения Соединенными Штатами Америки, совершившими варварские бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г.[2]

Стало понятно, что ЯО куда более эффективно, чем другие виды оружия массового поражения, несмотря на их серьезные поражающие факторы, поскольку его масштабное применение может за короткий срок парализовать и сокрушить любое государство, уничтожив главные стратегические объекты и ключевые города. Так, фактор наличия ядерного оружия в арсеналах США и СССР как двух противоборствующих систем в период после окончания Второй мировой войны стал одним из основных в вопросах послевоенного мироустройства.

Формировались различные подходы к возможному применению ядерного оружия. Так, представляет интерес план «Totality» генерала Д. Эйзенхауэра, предполагавший нанесение ядерных ударов по главным объектам СССР и разработанный в конце 1945 г.[3] Впоследствии появились схожие планы «Чариотир» и «Флитвуд». При этом, если в плане Эйзенхауэра еще просматривались оборонительные черты, то в более поздних наглядно демонстрировался превентивный характер действий, где успех обеспечивался, прежде всего, за счет массированных ядерных бомбардировок советской территории. Данные замыслы были в 1949 г. объединены в стратегический план «Дропшот», разработанный на случай нападения Советского Союза на союзников США[4]. Подтверждением служит опубликованный в 2015 г. документ, содержащий «Список целей для ядерных ударов», утвержденный в 1959 г.[5] Разгоревшийся Карибский кризис побудил лидеров государств социалистического и капиталистического блока задуматься о возможных последствиях

[1] Холиков И.В. Правовые аспекты химической и биологической безопасности в РФ // Современное право. 2010. № 3. С. 23-28.

[2] Sadao Asada. «The Shock of the Atomic Bomb and Japan's Decision to Surrender: A Reconsideration». The Pacific Historical Review, Vol. 67, No. 4 (Nov., 1998).

[3] Plan «Totality»: Alert Plan for Defense in the Event of Aggression United States. Army. Forces in the European Theater. G-3 Publisher Headquarters, US Forces, European Theater, G-3 Division (Main), 1946. URL: https://books.google.ru/books/about/Plan_Totality.html?id=bnuCGwAACAAJ& (дата обращения 25.04.2023).

[4] Dropshot – American Plan For War With The Soviet Union, 1957. URL: http://www.allworldwars.com/Dropshot%20-%20American%20Plan%20for%20War%20with%20the%20Soviet%20Union%201957.html (дата обращения 25.04.2023).

[5] U.S. Cold War Nuclear Target Lists Declassified for First Time. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb538-Cold-War-Nuclear-Target-List-Declassified-First-Ever/ (дата обращения 25.04.2023).

ядерной войны, и в дальнейшем утвердить мысль о том, что необходимо не просто сдерживать наращивание ядерного потенциала у уже имеющихся держав, но и создавать механизмы для его нераспространения во избежание глобальной катастрофы.[1]

В результате к 1968 г. был разработан Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) – универсальный международно-правовой инструмент, который к 1970 г. был подписан практически всеми государствами[2]. Цель договора заключается в предотвращении распространения ядерного оружия среди государств, которые им не обладают. Он был призван укрепить безопасность государств, затруднить возможность развязывания ядерной войны и приблизить решение о ликвидации ядерного оружия, став важной основой международного мира и стабильности. В 1995 г. Договор был продлен бессрочно, причем депозитариями стали Россия (как продолжатель СССР), Великобритания и США[3].

К сожалению, несмотря на достигнутый прогресс, Договор в 2023 г. так и не подписали – Индия, Пакистан, Израиль и Южный Судан. Однако, несмотря на это, решение о ликвидации ядерного оружия и ограничении его использования ведется на всеобщем уровне, благодаря непрерывным усилиям международного сообщества по достижению этой цели.

Однако экспертные оценки эффективности ДНЯО в достижении поставленной цели вызывают различные реакции среди научного сообщества. Одни исследователи проявляют скептицизм и выражают недоверчивость в возможности решения социально-экономических проблем[4]. Другие сохраняют нейтральное отношение к ДНЯО[5]. В то же время, некоторые специалисты считают данный договор эффективным инструментом преодоления различных вызовов, которые стоят перед современным обществом[6].

В настоящее время только три государства заявили о создании ЯО после подписания соответствующего договора, а именно Индия, Пакистан и КНДР. Израильские власти официально не подтверждают наличие ЯО, однако и не опровергают эту информацию. Большинство экспертов приходят к выводу, что ЯО в Израиле имеется. В своей книге «Израиль и бомба» А. Коэн заявляет, что в период между 1966 г. и 1969 г. Израиль уже обладал ЯО. Это можно объяснить соглашением между президентом США Р. Никсоном и премьер-министром Израиля Г. Меир: «США прекратят проведение инспекций на израильских объектах в обмен на лояльность со стороны Израиля по вопросам Ближнего Востока»[7]. Истинный факт наличия ЯО в Израиле может быть установлен лишь через официальные заявления израильских властей в отношении данного вопроса.

В современном мире ядерное оружие имеет серьезное значение в обеспечении национальной и международной безопасности. Рассматривая государства, получившие ядерное оружие после 1970 г., можно заметить закономерность – они разработали свою ядерную стратегию, ориентируясь на стратегическую безопасность. Это именно те страны, где территориальные конфликты до сих пор не решены, а повторяющиеся пограничные столкновения могут служить доказательством существующей теории. В данной статье мы представим краткий обзор каждой из рассматриваемых стран.

---

[1] Лавренов С.Я., Попов И.М. Карибский кризис: мир на грани катастрофы // Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: Астрель, 2003. С. 213-289.

[2] Договор о нераспространении ядерного оружия. Одобрен резолюцией 2373 Генеральной Ассамблеи ООН от 12 июня 1968 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения 25.04.2023).

[3] URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1413321/ (дата обращения 25.04.2023).

[4] Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях / отв. ред. А.Г. Арбатов. М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 4-6.

[5] Nuclear Non-Proliferation: Steps For The 21st Century by Ernest J. Moniz Tuesday, November 5, 2019.

[6] Бояркина Д.А. Правовая база и современные проблемы международного режима ядерного нераспространения, 2012. URL: https://uchimsya.com/a/h4ve3cfT (дата обращения 25.04.2023).

[7] Koohen A. Israel and the bomb. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1998. XX. 470 p.

Существует ряд неурегулированных территориальных проблем Индии и КНР, особенно касающихся Тибета и Кашмира. Кризисы 1962 г. и 1967 г. подтолкнули правительство Индии овладеть ЯО для защиты своих интересов. Напряженность в регионе была усугублена наличием ЯО со стороны КНР.[1]

Аналогичная ситуация сложилась и в индо-пакистанских отношениях, где существуют территориальные претензии стран друг к другу[2].

События, происходившие на корейском полуострове с 1953 г. и по настоящее время, характеризуются значительной динамикой, вызванной территориальными и политическими разногласиями между Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Кореей, а также их западными партнерами. Применение санкций и иногда даже прямые угрозы вторжения в Северную Корею, еще до того, как она стала обладателем ядерного оружия, могло послужить катализатором уверенности и мотивацией Пхеньяна для начала разработки и реализации собственной ядерной программы[3].

Как указывалось ранее, на данный момент Израиль не является официально признанной страной, обладающей ядерным оружием. Однако, если предположить, что страна уже длительное время обладает ядерным оружием нелегально, стимулы, побудившие Израиль к развитию своей ядерной программы, могут быть связаны с кризисом, который произошел в 1947-1949 гг.[4] Независимые исследователи в течение многих лет пытаются оценить приблизительное количество ядерных боеголовок у каждой из сторон[5].

Безусловно, ДНЯО является основополагающим элементом режима нераспространения ядерного оружия и существенным фундаментом в сокращении ЯО и использовании атомной энергии исключительно в мирных целях. Это универсальный механизм, позволяющий регулировать отношения в сфере ЯО на международном уровне[6]. Существующие проблемы в области нераспространения ядерного оружия, накопившиеся за длительный период, подчеркивают необходимость новых глобальных подходов и реформ научного характера.

Несмотря на значимость Договора о нераспространении ядерного оружия, следует отметить, что Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) также играет важную роль в обеспечении контроля и надзора над режимом нераспространения ядерного оружия в соответствии с Уставом организации, закрепляющим три основных направления ее деятельности:

1. Помощь в развитии мирного атома государствам-членам;

2. Содействие в обеспечении надлежащего уровня ядерной и радиационной безопасности;

3. Контроль за атомной энергией и ядерными материалами, в качестве использования исключительно в мирных целях, а не в военных[7].

МАГАТЭ выпускает ряд докладов на различные темы, связанные с ядерной безопасностью и контролем распространения ядерного оружия. В Докладах по вопросам безопасности и защиты в ядерной деятельности, приводятся практические примеры и подробные описания возможных угроз от ЯО и содержатся предложения дальнейшего

---

[1] Ростованова М.Г. Проблема урегулирования китайско-индийских пограничных споров с 1950-х гг. по настоящее время. Выпуск № 7, 2022.

[2] Макаревич Г.Г. Индийский взгляд на территориальный спор в рукаве Дельты Инда Сэр-Крик в контексте отношений с Пакистаном. Журнал ИМЭМО РАН, 2021, № 1 С. 99-107.

[3] Волощак В.И. Конфликты КНДР и Республики Корея в районе северной разграничительной линии. Дальневосточный федеральный университет, 2015.

[4] Bregman Ahron. Israeli wars. A history since 1947. Routledge, 2002. P. 272.

[5] SIPRI Yearbook 2015 World nuclear forces. URL: https://www.sipri.org/yearbook/2015/11.

[6] Resolution 1887 (2009) Adopted by the Security Council at its 6191st meeting, on 24 September 2009 (S/RES/1887 (2009)). URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-2009 (дата обращения 25.04.2023).

[7] Устав Международного агентства по атомной энергии по состоянию на 28 декабря 1989 г. Ст. 3. URL: https://docs.cntd.ru/document/901851822 (дата обращения 25.04.2023).

правового регулирования режима нераспространения ядерного оружия. Они выпускаются в рамках серий: «Доклады по радиологическим оценкам», «Технические доклады», «Доклады МАГАТЭ по физической ядерной безопасности» и «Доклады по радиологическим авариям». Дополнительно МАГАТЭ выпускает пособия для учебных курсов, практические технические руководства[1].

Рекомендации МАГАТЭ в области безопасности используются многими странами в качестве основы для разработки внутригосударственных норм и правил. Например, в Республике Беларусь существует Закон № 208-З «О регулировании безопасности при использовании атомной энергии», который был принят на основе рекомендаций МАГАТЭ[2].

Корейский кризис с последующим выходом КНДР из ДНЯО пошатнул доверие к МАГАТЭ, поскольку организация не смогла проконтролировать получение ЯО Северной Кореей. Но в то же время необходимо отметить, что спустя 17 лет МАГАТЭ по-прежнему играет значимую роль в контролировании соблюдения государствами международного режима нераспространения ядерного оружия. Нельзя не отметить иранский кризис, в котором МАГАТЭ продолжает свою работу на высшем уровне[3]. Хотя многие и выражают скептицизм ввиду последних событий[4]. Тем не менее, ЯО у Ирана на данный момент официально не зафиксировано, а это свидетельствует о том, что организация эффективна и справляется с теми задачами, которые были возложены Договором и иными соглашениями[5].

Во время иракского кризиса 2003 г.[6], стали популярны идеи усиления контроля над оборотом технологий, связанных с оружием массового уничтожения. Вследствие, появилась Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения. ИБОР-ОМУ – международная программа, инициированная президентом США Джорджем Бушем в мае 2003 г.[7]

Идея нашла широкое распространение с точки зрения контроля ядерных материалов и их защиты от возможных атак террористов с конечной целью заполучить их. Страны – участницы ИБОР обязуются следить, чтобы корабли под их флагами, а также под флагами других стран-участниц не использовались для перевозки оружия массового поражения и технологий, которые могут быть использованы для его создания.

Несмотря на то, что ее участниками являются более 100 государств (в том, числе и Россия) за рамками ИБОР остаются такие влиятельные страны, обладающие ОМУ-технологиями, как Китай, Индия, Пакистан, Бразилия, ЮАР.

ИБОР не имеет структурно-организационного оформления и не является международной или региональной организацией. Ее основополагающие документы – «Заявление

---

[1] Нормы МАГАТЭ по безопасности. Государственная, правовая и регулирующая основа обеспечения безопасности для защиты людей и охраны окружающей среды. GSR Part 1. Общие требования безопасности. Часть 1. 2007. С. 2.

[2] Закон Республики Беларусь от 10 октября 2022 г. № 208-З «О регулировании безопасности при использовании атомной энергии». URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200208&p1=1 (дата обращения 25.04.2023).

[3] Совместное заявление Генерального директора МАГАТЭ и вице-президента Исламской Республики Иран и руководителя ОАЭИ 2020. URL: https://www.iaea.org/ru/newscenter/pressreleases/sovmestnoe-zayavlenie-generalnogo-direktora-magate-i-vice-prezidenta-islamskoy-respubliki-iran-i-rukovoditelya-oaei (дата обращения 25.04.2023).

[4] МАГАТЭ лишили зрения. Действия Тегерана могут поставить крест на ядерной сделке 2022. URL: https://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/539619 (дата обращения 25.04.2023).

[5] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения 25.04.2023).

[6] Walter L. Perry, Richard E. Darilek, Laurinda L. Rohn, Jerry M. Sollinger Editors – Operation Iraqi Freedom, OIF. Published by the RAND Corporation, Santa Monica, Calif. 2015. RAND Corporation. 457 p.

[7] Инициатива по борьбе с распространением ОМУ, 2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/obshchie_voprosy_mezhdunarodn (дата обращения 25.04.2023).

о принципах перехвата» (Париж, сентябрь 2003 г.), а также решения Лондонской (октябрь 2003 г.) и Краковской (май-июнь 2004 г.) встреч. Согласно «Принципам перехвата», деятельность ИБОР должна соответствовать нормам международного права и национального законодательства стран-участниц.

Следует отметить, что существует определенное противоречие с международным морским правом, особенно со статьей 23 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., которая предусматривает свободу и безопасный проход судов, перевозящих опасные вещества, через территориальные воды любого государства при наличии соответствующих документов[1]. Есть необходимость более тщательно рассмотреть деятельность ИБОР-ОМУ в контексте международного морского права и найти компромисс между обеспечением безопасности и контроля, и уважением прав судов, перевозящих опасные материалы[2].

Инициатива ИБОР продолжает свою работу, несмотря на частичное противоречие ее действий международному морскому праву. В мае 2018 г. состоялась Политическая встреча высокого уровня в Париже, посвященная 15-летию ИБОР, на которой были приняты четыре заявления. Они касались обеспечения эффективности инициативы, укрепления полномочий для принятия решений по перехвату, расширения стратегической коммуникации и развития потенциалов и практик перехвата. Однако Российская Федерация их не поддержала, поскольку в большинстве текстов не были учтены замечания российской делегации[3].

Резолюция 1887 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций принята единогласно 24 сентября 2009 г.[4] Совет рассмотрел вопрос о недопущении и предотвращении распространения оружия массового поражения в мире. В Резолюции Совет стремится «создать более безопасный мир для всех и создать условия для мира, свободного от ядерного оружия, в соответствии с целями ДНЯО таким образом, чтобы это способствовало международной стабильности и основывалось на принципе безграничной безопасности для всех».

Рассмотрим ключевые положения Резолюции, опираясь на статические и аналитические данные.

С 2009 г. ведущие государства, обладающие ядерным оружием[5], не прекращают усиливать свой ядерный арсенал[6], несмотря на ранее принятую Резолюцию. Это нарушение требований части 5 данной Резолюции[7]. Это негативно сказывается на тех государствах, которые стали обладателями ядерного оружия после 1970 г.

Существенной проблемой является то, что до настоящего времени Индия, Пакистан, Израиль и Южный Судан не присоединились к ДНЯО. Это демонстрирует тот факт, что часть 4 Резолюции не была полностью реализована[8].

---

[1] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, 1982. URL: https://docs.cntd.ru/document/1900747 (дата обращения 25.04.2023).

[2] Холиков И.В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Институт государства и права РАН. М.: «Юнити-Дана», 2020. С. 431-459.

[3] Инициатива по борьбе с распространением ОМУ, 2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/obshchie_voprosy_mezhdunarodnoy_bezopasnosti_i_kontrolya_nad_vooruzheniyami/1413303/ (дата обращения 25.04.2023).

[4] S/RES/1887 (2009). URL:https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-2009 (дата обращения 25.04.2023).

[5] SIPRI Yearbook 2009. World nuclear forces. URL: https //www.sipri.org/yearbook/2009/08 (дата обращения 25.04.2023).

[6] SIPRI Yearbook 2022. World nuclear forces. URL:https://www.sipri.org/sites/default/files/YB22%2010%20World%20Nuclear%20Forces.pdf; Status of World Nuclear Forces 2022 (дата обращения 25.04.2023).

URL:https://fas.org/issues/nuclear-weapons/status-world-nuclear-forces/

[7] S/RES/1887 (2009). Ч. 5. С. 3.

[8] IBID. Ч. 4. С. 3.

Нарушение требований части 9 Резолюции, закрепляющей гарантии безопасности участникам ДНЯО, не обладающим ядерным оружием, - это одна из главных проблем, которая продолжает оставаться актуальной и в настоящее время. Данный факт свидетельствует о том, что государства не соблюдают необходимые нормы и международные договоренности[1].

В начале 2023 г. произошло событие, связанное с вынужденной мерой, а именно приостановление действий Договора СНВ-3[2], озвученное Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию[3]. Акцент был поставлен на том, что в случае проведения новых ядерных испытаний Соединенными Штатами Америки России предоставляется полное право проводить свои собственные ядерные испытания. В этой связи очевидна нарастающая угроза Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний[4] и всему режиму ядерного сдерживания в целом. В дальнейшем это окажет непосредственное влияние на режим ядерного нераспространения, если заинтересованные стороны в лице НАТО и США не смогут прийти к консенсусу с РФ.

К сожалению, рост ядерных технологий в настоящее время не останавливается. Нет никаких гарантий, что в ближайшем будущем позиции ключевых государств, обладающих ядерным оружием, не вызовут новых опасностей и угроз для мировой стабильности.

По мнению С.А. Мелькова и И.В. Холикова, постепенное распространение ядерного оружия по нашей планете потенциально увеличивает вероятность развязывания региональных конфликтов с применением ядерного оружия[5].

С этим невозможно не согласиться, учитывая нарастающую напряженность между ключевыми государствами, когда региональные конфликты продолжают набирать свой оборот. Реализация эффективных мер, направленных на укрепление международного правопорядка, зависит от уважения каждым государством международных норм и достигнутых договоренностей.

Развертывание ядерного оружия в странах, где ранее оно не было разработано, с целью защиты от внешних угроз приводит к нежелательным последствиям. Так, развертывание ядерных сил США в Италии, Турции, Бельгии, Нидерландах и ФРГ негативно сказалось на отношениях с Российской Федерацией за счет ущемления стратегической безопасности государства в Европе, так как все страны входят в Организацию Северо-атлантического Договора (НАТО) и проводят регулярные учения по использованию тактического ЯО[6].

Длительное время Российская Федерация не принимала радикальных мер, связанных с проблематикой размещения ЯО, и старалась достичь консенсуса с НАТО и США. Не-

---

[1] США могут нанести ядерный удар по Москве, если РФ решит использовать ядерное оружие против Украины. The Sun. URL: https://www.thesun.co.uk/news/19989998/five-ways-west-strike-back-putin-nuke-ukraine/; Глава КГБ Белоруссии: Запад рассматривает применение ядерного оружия против страны и РФ. URL:https://tass-ru.turbopages.org/tass.ru/s/mezhdunarodnaya-panorama/16022753; Российские генералы обсуждали использование тактического ядерного оружия на Украине. New York Times со ссылкой на источник в разведке США. URL: https://www.nytimes.com/2022/11/02/us/politics/russia-ukraine-nuclear-weapons.html?searchResultPosition=2 (дата обращения 25.04.2023) и др.

[2] Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений от 8.04.2023 (СНВ-3). URL: http://www.kremlin.ru/supplement/512.

[3] Путин: Россия приостанавливает участие в ДСНВ 2023. URL: https://tass.ru/politika/17105563.

[4] Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/1902054 (дата обращения 25.04.2023).

[5] Мельков С.А. Новые исследования стратегических ядерных вооружений: формирование экспертного мнения профессорско-преподавательского состава / С.А. Мельков, И.В. Холиков // Электронный научный журнал «ГосРег». 2021. № 4. С. 1-2.

[6] Hans M. Kristensen Director, Nuclear Information Project:U.S. Nuclear Weapons In Europe. Briefing to Center for Arms Control and Non-Proliferation Washington, D.C. November 2019. URL: https://uploads.fas.org/2019/11/Brief2019_EuroNukes_CACNP_.pdf (дата обращения 25.04.2023).

смотря на многолетние переговоры и попытки достижения компромисса, региональная обстановка в Европе продолжала ухудшаться. В итоге по решению Президента Российской Федерации В.В. Путина было принято решение о размещении ядерных сил в Республике Беларусь по инициативе действующего президента А.Г. Лукашенко[1].

Распространение ЯО через размещение ядерных сил в союзных государствах является актуальной проблемой, которая, вероятно, будет только усиливаться в будущем. В настоящее время ведутся дебаты относительно возможности размещения ядерного арсенала США в Японии в ответ на угрозу со стороны Северной Кореи и Китая[2]. В свете современных вызовов и угроз, с которыми сталкивается международное сообщество, поиск новых путей решения проблем, связанных с режимом нераспространения ядерного оружия, становится все более актуальным для международного права.

Автор данной научной статьи обращает внимание на необходимость заключения нового общественного договора, основным тезисом которого является запрет на развертывание ядерного арсенала среди тех государств, которые не обладают ядерным оружием, с целью предотвращения эскалации конфликтов и распространения ЯО в мире. Предлагается закрепить в общественном договоре императивные нормы, которые не позволяли бы распространять ядерное оружие в таких государствах.

Для упрощения реализации Договор может быть заключен в рамках региональных блоков – Европейского союза, ЕАЭС, Африканского союза или Азиатско-Тихоокеанского регионального форума. Универсальные региональные договоры были бы важным шагом к предотвращению распространения ЯО в регионах мира, где существует высокий риск стратегических конфликтов и напряженных взаимоотношений между государствами. Кроме того, такие договоры могут способствовать более тесному сотрудничеству в области безопасности между государствами, учитывая интересы каждого в рамках региональных блоков, что, в свою очередь может укрепить международную безопасность в целом.

Данная мера может привести к снижению конфронтации между ключевыми участниками международного права в области стратегической безопасности и установке равенства между сторонами. В качестве организации, проверяющей выполнение данного договора, можно было бы предложить МАГАТЭ, имеющую большой опыт и авторитет в данной сфере.

Список литературы

1. Бояркина Д.А. Правовая база и современные проблемы международного режима ядерного нераспространения, 2012. URL: https://uchimsya.com/a/h4ve3cfT (дата обращения 25.04.2023).

2. Волощак В.И. Конфликты КНДР и Республики Корея в районе северной разграничительной линии. Дальневосточный федеральный университет, 2015.

3. Гаврилов С.О. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права». Т. III монографии «Военное право») / С.О. Гаврилов, И.Н. Глебов, С.Г. Чукин [и др.] // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67.

4. Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях / отв. ред. А.Г. Арбатов. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 177 с.

5. Лавренов С. Я. Карибский кризис: мир на грани катастрофы / С.Я. Лавренов, И.М. Попов // Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: Астрель, 2003. 778 с.

[1] Россия и Белоруссия договорились о размещении российского тактического ядерного оружия. 2023. URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/17369429?ysclid=lhssjx5e7d263460036 (дата обращения 25.04.2023).

[2] Киссинджер считает, что Япония в течение пяти лет может войти в клуб ядерных держав. URL: https://news.mail.ru/politics/56255577/ (дата обращения 25.04.2023).

6. Макаревич Г.Г. Индийский взгляд на территориальный спор в рукаве дельты Инда Сэр-Крик в контексте отношений с Пакистаном // Журнал ИМЭМО РАН, 2021. № 1. С. 99–107.

7. Мельков С.А. Новые исследования стратегических ядерных вооружений: формирование экспертного мнения профессорско-преподавательского состава / С.А. Мельков, И.В. Холиков. Электронный научный журнал «ГосРег». 2021. № 4.

8. Ростованова М.Г. Проблема урегулирования китайско-индийский пограничных споров с 1950-х гг. по настоящее время. Выпуск № 7. 2022.

9. Холиков И.В. Правовые аспекты химической и биологической безопасности в РФ // Современное право. 2010. № 3. С. 23–28.

10. Холиков И.В. Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства в области обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: новый этап регулирования и правоприменения / И.В. Холиков, П.Ю. Наумов, В.М. Большакова [и др.] // Уголь, 2022. № 10 (1159). С. 66–71.

11. Холиков И.В. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход / И.В. Холиков, А. Милованович, П.Ю. Наумов // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 11. С. 132–148.

12. Холиков И.В. Вопросы нормативно-правового регулирования обеспечения химической и биологической безопасности / И.В. Холиков, Р.Н. Шепель, И.И. Николаев // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63, № 6. С. 406–416.

13. Холиков И.В. Международно-правовое регулирование применения некоторых видов оружия в условиях вооруженного конфликта / И.В. Холиков, Е.Е. Хараман // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2023. № 4 (309). С. 7–14.

14. Холиков И.В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Институт государства и права РАН. М.: «Юнити-Дана», 2020. С. 431–459.

15. Bregman Ahron. Israeli wars. A history since 1947. Routledge, 2002. 272 p.

16. Hans M. Kristensen Director, Nuclear Information Project: U.S. Nuclear Weapons In Europe. Briefing to Center for Arms Control and Non-Proliferation Washington, D.C. November 2019. URL: https://uploads.fas.org/2019/11/Brief2019_EuroNukes_CACNP_.pdf (дата обращения 25.04.2023).

17. Kennedy R: Thirteen Days: A Memoir of the Cuban Missile Crisis. Paris: Editions de la Seine, 1969. 146 p.

18. Nuclear Non-Proliferation: Steps For The 21st Century by Ernest J. Moniz Tuesday, November 5, 2019.

19. Plan «Totality»: Alert Plan for Defense in the Event of Aggression United States. Army. Forces in the European Theater. G-3 Publisher Headquarters, US Forces, European Theater, G-3 Division (Main), 1946. URL: https://books.google.ru/books/about/Plan_Totality.html?id=bnuCGwAACAAJ& (дата обращения 25.04.2023).

20. Sadao Asada. «The Shock of the Atomic Bomb and Japan's Decision to Surrender: A Reconsideration». The Pacific Historical Review, Vol. 67, №. 4 (Nov. 1998).

21. Walter L. Perry Richard E. Darilek Laurinda L. Rohn Jerry M. Sollinger Editors – Operation Iraqi Freedom, OIF. Published by the RAND Corporation, Santa Monica, Calif. RAND Corporation is a registered trademark. Pp. 457. URL: Operation IRAQI FREEDOM: Decisive War, Elusive Peace (rand.org).

22. Koohen A. Israel and the bomb. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1998. XX. 470 p.

Кудашкин Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, руководитель отделения военного права Академии военных наук РФ;

Холиков Иван Владимирович, главный научный сотрудник Центра международного права и сравнительно-правовых исследований, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: iv_kholik@mail.ru

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

Определение понятия «специальная военная операция» (СВО) не вызывает особых сложностей в содержательном плане, однако в силу недостаточной исследованности проблемы вызывает вопросы у специалистов в сфере военного права.

В современном праве вооруженных конфликтов и науке военного права вместо термина «война» применяется термин «вооруженный конфликт», который вбирает в себя мировые, региональные, локальные и обычные войны, военные инциденты и т. п.[1] Содержание этих понятий объясняется в п. 8 Военной доктрины Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ В.В. Путиным 25 декабря 2014 г.[2] В данном пункте перечисляются задачи войн и вооруженных конфликтов, используемые сторонами средства и формы вооруженной борьбы, ее пространственно-временные параметры. Исходя из этих уточнений, можно определить основные характеристики, а также временные и географические критерии, присущие феномену специальной военной операции.

Проводившиеся в последние 20 лет системные исследования правового института военной службы[3] затрагивали и ряд других актуальных аспектов, связанных с вопросами национальной безопасности. Остановимся на некоторых из этих аспектов и рассмотрим их в контексте специальной военной операции РФ на Украине.

[1] Военное право. В 3-х томах. Т. 1: История и теория военного права. Ред. А.Н. Савенков, А.В. Кудашкин. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021; Военное право. Т. 2: Современное состояние военного права (институты военного права). Ред. А.Н. Савенков, А.В. Кудашкин. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021; Военное право. Т. 3: Основные проблемы и перспективные направления военных исследований. Ред. А.Н. Савенков и А.В. Кудашкин. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022.

[2] Военная доктрина Российской Федерации. 25 декабря 2014 года. № Пр-2976. URL: https://docs.cntd.ru/document/420246589 (дата обращения 27.04.2022).

[3] Военное право. В 3-х томах. Т. 1: История и теория военного права. Ред. А.Н. Савенков, А.В. Кудашкин. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021; Военное право. Т. 2: Современное состояние военного права (институты военного права). Ред. А.Н. Савенков, А.В. Кудашкин. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021; Военное право. Т. 3: Основные проблемы и перспективные направления военных исследований. Ред. А.Н. Савенков и А.В. Кудашкин. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022.

Реализация и защита национальных интересов относится к основной функции государства, соответствующие институты и органы которого формируют цели государственной политики, рассматриваемые как отражение намерений не только государства, но и общества в целом, и формирующей его совокупности отдельных физических лиц[1]. Эти цели достигаются путем решения соответствующих им задач, для решения которых государственными институтами вырабатываются и реализуются определенные меры[2].

Политическое и военное руководство Российской Федерации приняло решение о проведении с 24 февраля 2022 г. специальной военной операции (СВО) с целью освобождения от украинских вооруженных формирований территорий Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР)[3]. Такое решение было принято в связи с исчерпанием всех возможных мирных средств защиты прав и законных интересов жителей Донбасса, многие из которых имели российское гражданство[4]. Еще одной причиной начала спецоперации стала необходимость обеспечения военной безопасности территории Российской Федерации в связи с фактическим переходом всех государственных и иных институтов Украины под внешнее управление западной коалиции во главе с США. Это создало для России реальную военную угрозу в связи со стремлением руководства Украины вступить в НАТО и, как следствие – с приближением инфраструктуры альянса на критически близкое расстояние к территории России, что существенно понизило бы уровень военной безопасности РФ.

Как показывают регулярные социологические опросы, поддержка российскими гражданами специальной военной операции на Украине в первые месяцы после ее начала находилась в диапазоне 70–73%.[5] Такие показатели достигаются только тогда, когда интересы государства, общества и граждан являются жизненно важными и когда эти интересы совпадают.

При этом сам термин «специальная военная операция» является новым как для практики правового регулирования в России, так и для отечественной военно-юридической науки. Однако он уже достаточно широко употребляется в США и некоторых западных странах,[6] а с недавнего времени и в Китае[7].

---

[1] Общая теория национальной безопасности: Учебник / Ред. А.А. Прохожев. М.: Изд-во Российской академии государственной службы, 2002.

[2] Гаврилов С. О., Глебов И. Н., Чукин С. Г. и др. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67.

[3] Путин объявил о специальной военной операции в Донбассе // РИА Новости. 24.02.2022. URL: https://ria.ru/20220224/operatsiya-1774620380.html (дата обращения 27.04.2023).

[4] Согласно официальным данным, по состоянию на 15 февраля 2022 г. паспорта граждан России в упрощенном порядке получили более 860 тысяч жителей самопровозглашенных ДНР и ЛНР, что составляет около четверти от общей численности населения этих республик. В Госдуме назвали количество жителей ДНР и ЛНР с российскими паспортами // РИА «Новости» – Крым. 15.02.2022. URL: https://crimea.ria.ru/20220215/v-gosdume-nazvali-kolichestvo-zhiteley-dnr-i-lnr-s-rossiyskimi-pasportami-1122372251.html (дата обращения 27.04.2003).

[5] Армия и общество на фоне специальной военной операции // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 05.03.2022. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/armija-i-obshchestvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii (дата обращения 27.04.2023).

[6] Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Правовые основания проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 7. С. 22–32.

[7] Кудашкин А.В., Мельник Н. Н. Военное право Китая // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 9. С. 65–80; Глава КНР подписал указ о спецоперации на Тайване – СМИ // Утро.ру. 14.06.2022. URL: https://utro.ru/news/politics/2022/06/14/1512900.shtml (дата обращения 27.03.2023).

Понятие специальной военной операции в зарубежном праве

Как показывает мировой опыт, государства, как правило, самостоятельно определяют тип и характер проводимых ими военных операций. Выбор термина, обозначающего вид военной операции, зависит от ее целей, задач и методов. В соответствии с терминологией НАТО, специальные операции представляют собой военные действия особого характера, осуществляемые специально подобранными, организованными, обученными и оснащенными силами. Эти действия могут совершаться независимо или во взаимодействии с конвенционными (обычными) силами. Военно-политические соображения могут диктовать необходимость операций скрытого характера и принятие определенной доли политического или военного риска, обычно отсутствующего при операциях, проводимых конвенционными силами.[1] Антитеррористическая операция США – это не что иное, как СВО, которая проводилась на территории Афганистана и ряда государств Ближнего Востока всеми видами, родами и службами вооруженных сил США и коалиции государств на протяжении двух десятилетий с 2001 г.

В мировой военной теории различают три основных формы военных действий: (1) удары, маневры, бои и сражения соединений, частей и подразделений различных видов вооруженных сил (ВС), родов войск и специальных войск на суше, в воздухе, на море, в космосе и информационном пространстве; (2) оперативно-тактические операции – совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту, времени ударов, маневров, боев и сражений разнородных войск и видов вооруженных сил и (3) стратегические операции с политическими целями. Соответственно теория военного искусства, являющаяся частью военной науки, включает теории стратегии, оперативного искусства и тактики. Теория стратегии исследует военно-стратегический характер войны, законы, принципы и способы вооруженной борьбы в стратегическом масштабе. Теория оперативного искусства изучает характер, закономерности, принципы и способы подготовки и ведения общевойсковых (общефлотских) совместных и самостоятельных операций (боевых действий) оперативными объединениями видов вооруженных сил. Теория тактики занимается вопросами подготовки и ведения боя подразделениями, частями и соединениями на суше, море и в воздухе. Она включает теорию тактики общевойскового боя и теорию тактики видов и родов ВС, а также специальных войск, с максимальным использованием возможностей новых средств вооруженной борьбы.[2] Британская энциклопедия упоминает четвертую форму, известную как «большая стратегия», которая включает в себя координацию всей государственной политики, включая экономические и дипломатические инструменты управления государством для достижения определенных национальных или коалиционных целей.[3]

Если раньше к СВО применялись критерии масштаба театра военных действий (оперативно-тактические операции в какой-либо зоне, виды и роды войск, участвующие в нем), то теперь данный вид вооруженного конфликта определяется не его масштабом, продолжительностью или интенсивностью противостояния между государствами, а в соответствии с критериями упомянутой выше четвертой формы.

Цели и задачи специальной военной операции

Любое государство имеет определенный набор как внутренних, так и внешнеполитических приоритетов. К числу важнейших общественных функций относится задача обе-

[1] NATO Special Operations Headquarters (NSHQ) [Online resource]. URL: https://www.nshq.nato.int (accessed 27.03.2023).

[2] Военная наука // Министерство обороны Российской Федерации. Энциклопедия: словари. [Онлайн ресурс]. URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=4339@morfDictionary (дата обращения 27.04.2023).

[3] The Science of War: Strategies, Tactics, and Logistics (The Britannica Guide to War). Ed. R.Curly. N.Y.: Britannica Educational Pub, 2012.

спечения целостности и сохранности того общества, формой которого выступает данное государство.

Задачи демилитаризации и денацификации Украины, поставленные президентом В.В. Путиным перед Вооруженными Силами РФ в рамках СВО, являются новыми, в связи с чем возникает вопрос об их содержании и правовом оформлении. Представляется, что под демилитаризацией следует понимать не просто физическое уничтожение личного состава и военной техники противника в ходе боевых действий (что является легитимной задачей в соответствии с Женевскими конвенциями), но и ликвидацию института военной организации на Украине. Таким образом, речь идет о том, чтобы добиться таких институциональных изменений структуры государственного аппарата, которые исключали бы на системном уровне возобновление исходящей с территории Украины военной угрозы. Денацификация же предполагает реализацию комплекса мер, направленных на уничтожение любых элементов или признаков фашистской идеологии, а также на исключение возможности ее воспроизводства на Украине в будущем.

В целях легитимизации той или иной деятельности государства необходимо юридическое закрепление его функций в конституции, законах и подзаконных нормативных правовых актах. Правовые основания проведения специальной военной операции имеют не только внутригосударственный, но и международный характер, то есть проведение СВО имеет международно-правовые основания.

Правовое регулирование той или иной сферы общественных отношений является следствием принятых политических решений. В данном случае наблюдается неразрывная связь между военной политикой и правовой практикой российского государства.

Практическая сторона военной политики охватывает организационно-управленческие проблемы военного строительства, а также применение вооруженных сил, включая принятие решений, разработку планов и программ развития военной сферы, создание и поддержание необходимой военной мощи; создание оперативно-тактических группировок и т. п. Военно-политические институты, как правило, возникают и функционируют на основе и в рамках военного права, а также военно-правовых идей.[1] Военное право воздействует на военную политику различными путями, основным из которых является правовое регулирование, т. е. выработка и установление правил поведения субъектов военной политики, а также юридических пределов действия властных структур в военно-политической сфере. Эти два важнейших социальных института находятся в тесном диалектическом взаимодействии.[2]

Правовые основания проведения специальной военной операции

В соответствии со статьей 10 Федерального закона «Об обороне», Вооруженные Силы Российской Федерации являются государственной военной организацией, составляющей основу обороны Российской Федерации. Руководство ВС РФ осуществляет Президент Российской Федерации – Верховный Главнокомандующий, – издающий в пределах своих полномочий приказы и директивы, обязательные для исполнения Вооруженными Силами, воинскими формированиями и органами. В целях защиты интересов РФ и ее граждан формирования ВС РФ могут оперативно использоваться за пределами Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами и федеральным законодательством.[3]

Вопросы правовой регламентации СВО связаны с такими аспектами науки военного права, как военная безопасность и военная организация государства. Эти аспекты, в свою очередь, тесно связаны с такими разделами военного права, как комплектование военной

[1] Там же.

[2] Военное право. Т. 1. История и теория военного права. С. 321.

[3] Военное право. Т. 2. Современное состояние военного права (институты военного права). С. 412–429.

организации, военная служба, юридическая ответственность, материально-техническое обеспечение и т.д. Использование комплекса методологических подходов (в частности, системного анализа, синтеза, индукции, дедукции и абстрагирования) вкупе с формально-юридическим, сравнительно-правовым и другими специальными методами изучения этих институтов военного права в увязке с проводимой СВО позволяет определить пути развития как науки военного права, так и законодательства в этой сфере.

Институционализация специальной военной операции имеет существенное теоретическое и практическое значение, поскольку СВО, будучи уже свершившимся событием (ее начало является юридическим фактом) и общественным явлением, имеет свое правовое основание. В науке теории права институционализация – это процесс формирования объективных предпосылок для придания общественному явлению статуса юридически значимого элемента практики и актуализации юридических форм бытия социальных институтов. Вполне уместен вопрос о наличии достаточных признаков правового института и о месте такого института в системе военного права. В этой связи можно констатировать, что на наших глазах формируется правовой институт специальной военной операции, который регулируется более чем 30 федеральными законами и подзаконными нормативными правовыми актами.

Трансформация структуры военного права в процессе его развития связана с процессами дифференциации и интеграции правовых норм в условиях специализации и унификации законодательства. В этом проявляется закономерность функционирования и развития систем военного права и законодательства. Дифференциация и интеграция новых структурных образований в том виде, в каком они закреплены в законодательстве, происходит с учетом специализации и унификации нормативных актов в сфере военного права. В структуре военного права появляются новые разделы, главы и статьи, что усиливает эффективность механизма правового регулирования.

Как уже отмечалось, отрасли права, а также иные правовые образования (подотрасли права и правовые институты) формируются не сразу.[1] В процессе своего развития правовые образования последовательно проходят ряд этапов:

(1) Дифференциация предмета правового регулирования в результате интенсификации процессов в соответствующей сфере общественных отношений. Как было отмечено выше, СВО уже регулируется более чем 30 федеральными законами и подзаконными актами, и данный перечень продолжает пополняться. Подчеркнем, что речь идет лишь об *открытой* части процесса правового регулирования: учитывая специфику регулируемых отношений, несложно предположить, что данные вопросы также регулируются нормативными правовыми актами закрытого характера, имеющими ограниченную сферу распространения или соответствующий гриф секретности.

(2) Рост интенсивности процесса нормотворчества делает правовое регулирование более разнообразным. Типичный процесс формирования специального законодательства начинается принятием подзаконных актов, за которыми следуют законы. Вопреки такой закономерности, в случае с СВО наблюдается процесс формирования специального законодательства, создающий отдельную предметную область российского права.

(3) Специализация законодательства сначала проявилась на уровне отдельных правовых норм (например, порядок награждения в зоне СВО)[2] и субинститутов (таких, как денежное обеспечение и предоставление иных выплат участникам СВО,[3] уголовная ответственность участников боевых действий и иных лиц в связи с проведением СВО,[4]

---

[1] Военное право. Т. 1. История и теория военного права. С. 351–352.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 7 октября 2022 г. № 722 «О некоторых вопросах награждения личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации». URL: http://publication.pravo. gov.ru/Document/View/0001202210070076 (дата обращения 27.04.2023).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 6 июня 2022 г. № 355 «О внесении изменений в некоторые указы Президента Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001 202206060005?index=0&rangeSize=1 (дата обращения 27.04.2023).

[4] Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный

порядок частичной мобилизации[1] и т. д.) с последующей оптимизацией и интеграцией правового регулирования в единый правовой институт СВО в целях наибольшей эффективности. Специфика общественных отношений обусловила применение особого метода регулирования в данном случае[2].

Наблюдается также процесс разветвления системных связей, характеризующий их интенсивность и обусловливающий особенности группировки элементов системы (отдельных правовых норм и их образований), включая образование в ее иерархии специфических подуровней[3]. Именно высокий уровень взаимопроникновения норм права образует внутрисистемное единство, в т.ч. отрасли права, а внутри отрасли права – подотрасли и правовых институтов.

Место СВО в системе права и структура правового института

Правовой институт – это объективно сложившаяся совокупность норм, сгруппированных внутри отрасли права и опосредующих отдельные виды общественных отношений с помощью специфического метода правового регулирования. Критериями обособления правовых институтов в рамках одной отрасли права выступают предмет и метод правового регулирования. Видовые особенности общественных отношений, подлежащих регламентированию в рамках правового института, требуют внесения некоторых изменений в общий метод правового регулирования, поскольку одни и те же способы воздействия не всегда применимы к ним. Отличие правового института от отрасли или подотрасли права заключается в том, что, в отличие от них, правовой институт не обладает законченным механизмом правового регулирования конкретного вида общественных отношений и не может существовать автономно. Правовые институты отражают процесс дифференциации, а отрасли или подотрасли – процесс интеграции правовых норм.[4]

Сложные правовые институты состоят из двух и более субинститутов. Субинституты – это совокупность юридических норм, объективно выделившихся внутри правового института и регулирующих специфику видовых общественных отношений.

Сложившаяся разновидность общественных отношений при взаимосвязанности юридических норм, составляющих правовой институт специальной военной операции, определяет черты и параметры конструкции данного института. Он представляет собой единую правовую общность как системное образование в рамках системы военного пра-

---

кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209240002 (дата обращения 27.04.2023); Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/ View/0001202207140023 (дата обращения 27.04.2023).

[1] Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209210001 (дата обращения 27.04.2023); Постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 1725 «Об утверждении Правил предоставления права на получение отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации гражданам Российской Федерации, работающим в организациях оборонно-промышленного комплекса». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/ View/0001202209300078 (дата обращения 27.04.2023).

[2] Бухтияров И.В., Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю. Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», отв. ред. А.А. Мохов, изд-во «Проспект», 2022) // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63. № 1. С. 67–73; Радько Т.Н., Головина А.А., Киримова Е.А., Азми Д.М. Система права: история, современность, перспективы. М.: Проспект, 2021. С. 180–181.

[3] Радько Т.Н., Головина А.А., Киримова Е.А., Азми Д.М. Ук. соч. С. 180–181.

[4] Там же; Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зелепукин Р.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг. Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) // Государство и право. 2022. № 10. С. 51–62.

ва и определяет круг субъектов этих специальных отношений, их правовой статус,[1] объекты этих отношений, права и обязанности субъектов в условиях и в период СВО и т. п. С возникновением системы правового регулирования СВО ее юридическая конструкция уже стала средством правотворческой техники, но при этом пока еще не вырисовывается определенное логическое (системное) построение нормативного правового материала. Тем не менее, соответствующая разновидность общественных отношений уже сложилась и стала объективной материальной предпосылкой интеграции правовых норм в институт «Специальная военная операция», структурно входящий в подотрасль «Право вооруженных конфликтов» отрасли военного права.

Институты права вооруженных конфликтов регулируют следующие отношения:[2]

– по обороне и отходу войск (соединений и частей);

– по наступлению и преследованию противника;

– по встречному бою, бою в окружении и выходу из окружения;

– по режиму военного плена;

– по десантированию и ведению боевых действий;

– по комендантской службе и правовому режиму комендантского часа в период военного положения;

– по ведению боя в населенном пункте;

– по режиму передвижения войск;

– по режиму расположения войск;

– по обеспечению действий соединений и частей в вооруженном конфликте (разведка, морально-психологическое обеспечение и т.п.).

Каждая группа этих отношений в зависимости от степени интенсификации правового регулирования может образовать или правовой институт, или субинститут в составе института. Этот вопрос требует дополнительного исследования.

С учетом уже сформированного законодательства и того, что правовые институты, в отличие от отраслей и подотраслей права, могут носить комплексный характер, группировка правовых норм (в том числе в форме субинститутов) происходит по вопросам: режима военного плена;[3] добровольчества;[4] правил ведения боевых действий;[5] порядка награждения участников боевых действий; уголовной ответственности в условиях боевых действий;[6] денежного обеспечения участников СВО; социального обеспечения участников СВО;[7] частных военных компаний в условиях СВО; нештатных воинских формирований[8].

---

[1] Речь идет о правовых формах комплектования военной организации государства, которыми в условиях проведения СВО являются не только государственные военные организации, но и такие негосударственные организации, как частная военная компания «Вагнер».

[2] Военное право. Т. 1. История и теория военного права. С. 375–376.

[3] Самодуров Д.И. Правовое обеспечение режима военного плена в условиях проведения специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 12. С. 51–57.

[4] Сибилева О. П. Правовой статус добровольцев, участвующих в специальной военной операции на Украине // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 12. С. 57–62.

[5] Батырь В.А. Ведение боевых действий в городах: правовые аспекты // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 4. С. 12–27.

[6] Ермолович Я.Н. Военные преступления на Украине: проблемы квалификации // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 12. С. 105–110.

[7] Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 8. С. 28–32.

[8] Богданов С.Л. Отдельные вопросы правового положения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации при проведении военных операций // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 12. С. 24–29.

Статус частных военных охранных компаний

Проведение СВО актуализировало вопросы, связанные со статусом негосударственных участников международного вооруженного конфликта, в частности, частных военных охранных компаний (ЧВОК). Высокий спрос на ЧВОК в вооруженных конфликтах XXI в. хорошо демонстрируют статистические данные: в 2010–2011 гг. соотношение военнослужащих стран НАТО и сотрудников ЧВОК в Афганистане составляло 1 к 1, а в 2020 г. это соотношение изменилось на 3 к 1 в пользу ЧВОК.[1] К моменту вывода войск западной коалиции из Афганистана, весной 2021 г. там находилось 17000[2] сотрудников ЧВОК. При этом ЧВОК задействованы как в сухопутных операциях, так и в операциях на море.[3]

В научном сообществе, ООН и среди экспертов в области безопасности существуют различные точки зрения на близость понятий «сотрудник ЧВОК» и «наемник»[4]. Некоторые полагают, что ЧВОК фактически являются наемниками современности, другие же выступают против подобного подхода, ведя речь об уникальности природы ЧВОК. До сих пор не существует профильного международно-правового инструмента регулирования деятельности ЧВОК, сотрудники которых, находясь в зонах вооруженных конфликтов, не обладают специальным статусом и в большинстве случаев рассматриваются в качестве гражданских лиц.

Также не находит поддержки идея регулирования деятельности ЧВОК на уровне отечественного законодательства, о чем свидетельствуют соответствующие отрицательные отзывы по всем вносившимся законопроектам о них со стороны Правительства Российской Федерации, Совбеза России, Государственно-правового управления Президента Российской Федерации и МИД России.

Вместе с тем международный опыт и отечественные примеры взаимодействия с ЧВОК доказывают эффективность регулирования их деятельности за счет таких правовых средств, в основе которых лежит концепция усиления потенциала норм действующего законодательства путем принятия ведомственных актов и внедрения механизмов частно-правового регулирования. Основная идея легализации ЧВОК заключается в том, что они, в отличие от незаконных вооруженных формирований наемников, являются юридическими лицами, имеющими постоянную корпоративную структуру и открытую, а не теневую, систему контрактного найма сотрудников[5]. Такое различие имеет существенное значение: корпоративная структура и существование в рамках определенной юрисдикции позволяет применять к ЧВОК комплексную систему правового регулирования.

Вопросы военного противоборства в различных средах

В зарубежных доктринах, прежде всего в США, к видам поддержки специальных операций относятся огневая, воздушная, морская, космическая, юридическая, медицинская, электронная, а также поддержка в киберпространстве. В разных странах военное пра-

[1] Cancian M. In Afghanistan, contractors were unsung heroes of US efforts // Breaking Defense. 30.08.2021. URL: https://breakingdefense.com/2021/08/in-afghanistan-contractors-were-unsung-heroes-of-us-efforts (accessed 27.04.2023).

[2] Shinkman P.D. Number of private contractors in Afghanistan drops precipitously as Biden pushes withdrawal plan // U.S. News & World Report. 21.07.2021. URL: https://www.usnews.com/news/world-report/articles/2021-07-21/number-of-private-military-contractors-in-afghanistan-drops-precipitously-as-biden-pushes-withdrawal-plan (accessed 27.04.2023).

[3] Холиков И.В., Окоча В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147–158.

[4] McFate S. The Modern Mercenary: Private Armies and What They Mean for World Order. Oxford University Press, 2015. 272 p.; Cameron L., Chetail V. Privatizing War: Private Military and Security Companies under Public International Law. Cambridge University Press, 2013. 754 p.

[5] Старцун В.Н. Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации. М.: ВУ. 2016. С. 69.

во развивается параллельно военному делу, военным технологиям и новейшим видам вооружений. Разработка, постановка на боевое дежурство и применение новейших видов вооружений, а также современные формы взаимодействия различных видов родов вооруженных сил и служб требуют дальнейшего совершенствования законодательства, поскольку уровень развития последнего должен соответствовать развитию военных технологий и новым реалиям.

Весьма актуальным представляется вопрос о признании кибероперации основанием для применения права вооруженных конфликтов, поскольку формально такой конфликт возникает тогда, когда государства в отношениях между собой прибегают к вооруженной силе. Кроме того, при кибероперациях физически не разрушается военная или гражданская инфраструктура. Хотя наступательные кибероперации (или ответы на них) способны вызвать нарушения в функционировании критически важных элементов информационной и/или сетевой инфраструктуры государства (включая вооруженные силы и органы безопасности), такого рода операции пока не рассматриваются в науке военного права. Растет потребность в установлении и научном осмыслении норм, регулирующих создание, функционирование и применение кибервозможностей по противодействию кибератакам, а также соответствующих норм, регулирующих организационные, управленческие, финансовые и другие отношения в системе военной организации государства.

Целый ряд работ, посвященных милитаризации космического пространства и ограничениям на размещение в нем оружия, основаны на международных документах и резолюциях Совета безопасности ООН. Российские исследования по проблемам права вооруженных конфликтов и военных операций в космосе практически отсутствуют, хотя такие вопросы рассматриваются в праве вооруженных конфликтов. В ходе проведения СВО актуализировалась проблема использования GPS-навигации сторонами с использованием спутников и спутников-ретрансляторов, в т. ч. спутников GPS. Речь идет о проблемах применения правила 16 обычного международного гуманитарного права о необходимости разграничения между гражданскими и военными объектами. Также обострились вопросы правового регулирования военных операций в космосе и выросли риски нарушения норм права вооруженных конфликтов.

Российские исследователи неоднократно писали о необходимости разработки военных доктрин по тем или иным видам операций. В 2017 г. А.П. Никитин подчеркивал, что в России и Франции «оформилось сходное понимание потребностей эпохи, нашедшее отражение в военных доктринах и других стратегических документах. Комплексный, непредсказуемый характер конфликтов, географическая удаленность театров военных действий диктовали потребности пересмотра военной доктрины, изменения организационной структуры и системы командования, модернизации военной техники»[1]. Также рассматривались важные аспекты доктрин оперативного права военных операций, связанные с непредсказуемым характером военных конфликтов и удаленностью театров военных действий[2]. Разделение военных действий на виды и зоны (направления) предполагает, что ответственность за их проведение прежде всего несет командир.

Также необходимо отметить наличие пробелов в исследованиях тех положений права вооруженных конфликтов, которые относятся к военно-морским операциям (включая проведение СВО в акваториях Черного и Азовского морей).

Правовое регулирование военных конфликтов на море основано, прежде всего, на «Руководстве Сан-Ремо по международному праву, применимому к вооруженным конфликтам на море»,[3] но отличается от этого руководства в ряде аспектов. Данное руко-

[1] Никитин А.П. Сравнительно-правовой анализ приоритетных направлений органов военной прокуратуры Российской Федерации и Франции // Образование и право. 2017. № 12. С. 168.

[2] Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Имплементация международного гуманитарного права и доктрина оперативного права как источник военного права // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2021. № 3. С. 57–65.

[3] San Remo Manual on International Law Applicable to Armed Conflicts at Sea, 12 June 1994 // International Humanitarian Law Databases [Online resource]. URL: https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-trea-

водство, являющееся «единственным всеобъемлющим международным документом, который был разработан по праву военно-морских действий с 1913 г.»,[1] было принято Международным институтом гуманитарного права в июне 1994 г. после серии дебатов, проведенных в 1988-1994 гг. дипломатами и экспертами по военно-морским и правовым вопросам. Многолетние споры относительно «Руководства Сан-Ремо» связаны с тем, что некоторые страны являются морскими державами с многовековыми традициями и опытом морских сражений. За прошедшие с момента публикации руководства годы были достигнуты значительные успехи в развитии технологий военно-морских вооружений. Поэтому необходим критический анализ закрепленных в руководстве правил и комментариев для того, чтобы определиться с дальнейшими действиями: достаточно ли просто внести поправки к комментариям или же необходимо сформулировать новые правила и комментарии.

Также остаются дискуссионными вопросы определения международно-правового статуса Черного и Азовского морей в связи с проведением СВО и военно-морских операций в их акваториях. Эти вопросы рассматриваются в соответствии с положениями Конвенции ООН по морскому праву, а также Конвенции о режиме проливов от 20 июля 1936 г. («Конвенции Монтре»).

Специальные военные операции связаны с установлением особого правового режима на определенной территории или в отношении определенных действий, а также с особой деятельностью коллективных субъектов и воинских должностных лиц. Трудности международно-правовой и правоприменительной концептуализации порождают различные формы юридического понимания феномена СВО. Особенности подлежащих регламентации общественных отношений требуют пересмотра некоторых правовых норм и внесения изменений в метод правового регулирования, поскольку сложившиеся к настоящему моменту правовые механизмы функционируют не всегда эффективно.[2]

Вопросы правовой регламентации СВО прямо связаны с такими аспектами науки военного права, как военная безопасность и военная организация государства. Эти аспекты, в свою очередь, тесно переплетаются с некоторыми институтами и разделами военного права, включая комплектование военной организации, военную службу, юридическую ответственность, социально-правовые институты, материально-техническое обеспечение и т.п. Использование комплекса методологических подходов и специальных методов изучения этих институтов военного права позволяет концептуализировать данный феномен и определить пути развития соответствующих аспектов как науки военного права, так и законодательства.

Александр КУДАШКИН,
Иван ХОЛИКОВ

Список литературы

Батырь В.А. Ведение боевых действий в городах: правовые аспекты // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 4. С. 12–27.

Богданов С.Л. Отдельные вопросы правового положения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации при проведении военных операций // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 12. С. 24–29.

Бухтияров И.В., Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю. Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицин-

ties/san-remo-manual-1994 (accessed 27.04.2023).

[1] Doswald-Beck L. San Remo Manual on International Law Applicable to Armed Conflict at Sea // International Review of the Red Cross. 1995. V. 89. № 1. P. 192–208.

[2] Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал российского права. 2022. № 11. С. 132-148.

ское право России», отв. ред. А.А. Мохов, изд-во «Проспект», 2022) // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63. № 1. С. 67–73.

Военное право. В 3-х т. Т. 1: История и теория военного права. Ред. А.Н. Савенков и А.В. Кудашкин. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. 598 с.

Военное право. Т. 2: Современное состояние военного права (институты военного права). Ред. А.Н. Савенков и А.В. Кудашкин. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. 888 с.

Военное право. Т. 3: Основные проблемы и перспективные направления военных исследований. Ред. А.Н. Савенков и А.В. Кудашкин. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022. 712 с.

Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. [и др.] Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права». Т. III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67.

Ермолович Я.Н. Военные преступления на Украине: проблемы квалификации // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 12. С. 105–110.

Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 8. С. 28–32.

Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Имплементация международного гуманитарного права и доктрина оперативного права как источник военного права // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2021. № 3. С. 57–65.

Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Правовые основания проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 7. С. 22–32.

Никитин А.П. Сравнительно-правовой анализ приоритетных направлений органов военной прокуратуры Российской Федерации и Франции // Образование и право. 2017. № 12. С. 165–171.

Общая теория национальной безопасности: Учебник. Ред. А.А. Прохожев. М.: Изд-во РАГС, 2002. 344 с.

Радько Т.Н., Головина А.А., Киримова Е.А., Азми Д.М. Система права: история, современность, перспективы. М.: Проспект, 2021. 256 с.

Самодуров Д.И. Правовое обеспечение режима военного плена в условиях проведения специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 12. С. 51–57.

Сибилева О.П. Правовой статус добровольцев, участвующих в специальной военной операции на Украине // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2022. № 12. С. 57–62.

Старцун В.Н. Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации. М.: ВУ. 2016, С. 69.

Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях // Военное право. 2019. № 6. С. 276–282.

Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зелепукин Р.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н.Савенкова «Нюрнберг. Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) // Государство и право. 2022. № 10. С. 51–62.

Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал российского права. 2022. № 11. С. 132-148.

Холиков И.В., Окоча В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147–158.

Cameron L., Chetail V. Privatizing War: Private Military and Security Companies under Public International Law. Cambridge University Press, 2013. 754 p.

Doswald-Beck L. San Remo Manual on International Law Applicable to Armed Conflict at Sea // International Review of the Red Cross. 1995. V. 89. № 1. P. 192–208.

McFate S. The Modern Mercenary: Private Armies and What They Mean for World Order. Oxford University Press, 2015. 272 p.

San Remo Manual on International Law Applicable to Armed Conflicts at Sea, 12 June 1994 // International Humanitarian Law Databases [Online resource]. URL: https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/san-remo-manual-1994.

The Science of War: Strategies, Tactics, and Logistics (The Britannica Guide to War). Ed. R.Curly. N.Y.: Britannica Educational Pub, 2012. 175 p.

Козлов Андрей Андреевич, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации.
E-mail: mgp_smi@mail.ru

«Я ВИДЕЛ, ЧТО У НЕГО ЕСТЬ РАНЕНИЕ. НО РОСТИК РАЗГОВАРИВАЛ И, КАК НАСТОЯЩИЙ ЖУРНАЛИСТ, КАМЕРУ ИЗ РУК НЕ ВЫПУСКАЛ»

22 июля 2023 г. в результате обстрела со стороны вооруженных формирований Украины группы журналистов в Запорожской области погибли военный корреспондент РИА «Новости» Ростислав Журавлев и офицер пресс-службы Южного военного округа МО РФ майор Дмитрий Кузьмин, ранения получили фотокор РИА «Новости» Константин Михальческий, журналисты «Известий» – корреспондент Роман Польшаков и оператор Дмитрий Шиков.

Об обстоятельствах происшедшего известно следующее.

«Накрыл то ли дрон, то ли снаряд. Вызвали эвакуацию», – рассказал в интервью своим коллегам из «Известий» Роман Польшаков.

В первые секунды обстрела погиб офицер Департамента информации и массовых коммуникаций Минобороны Дмитрий Кузьмин. Ему досталось больше всего осколков боеприпаса, выпущенного ВСУ.

«Хороший парень. Мы дружили и переписывались, когда приезжали в отпуск. Он погиб. Принял основной удар на себя. И остался там лежать. Остальные разбежались после первого прилета в разные стороны», – говорит Роман Польшаков.

Ростислав Журавлев, фотограф агентства РИА «Новости», до последней минуты продолжал работать. Его ранения поначалу показались коллегам не слишком серьезными.

«Я видел, что у него есть ранение. Но Ростик разговаривал и, как настоящий журналист, камеру из рук не выпускал», – вспоминает Дмитрий Шиков.

Ростислав скончался во время эвакуации по дороге в госпиталь. Водитель КамАЗа, на котором ребята выбирались из зоны обстрела, сам был серьезно ранен.

Что известно о погибших?

Майор Дмитрий Кузьмин родился в Читинской области. Окончил Екатеринбургское суворовское военное училище, а после – факультет культуры и журналистики Военного университета Министерства обороны РФ по специальности «Журналистика».

Проходил военную службу в составе 7-й российской военной базы Министерства обороны РФ (г. Гудаута); в должности офицера отдела информационного обеспечения (г. Владикавказ) пресс-службы Южного военного округа; в должности офицера отдела информационного обеспечения (г. Ставрополь) пресс-службы Южного военного округа.

«Он был очень организованным и обязательным человеком. Мы часто пересекались по работе на полигонах и учениях. На Дмитрия можно было положиться как на самого себя. Несмотря на то, что он перевелся в Ставропольский край, связи с Осетией не терял. Как началась спецоперация, мы не звонили, старались лишний раз не беспокоить», – рассказал изданию «Осетия ТВ» руководитель Северо-Кавказского филиала МТРК «Мир» Станислав Кантемиров.

За участие в спецоперации был удостоен боевой награды.

Дмитрий Кузьмин был женат. В 2022 г. у него родился сын.

По данным РИА «Новости», политический обозреватель Ростислав Игоревич Журавлев родился 18 июля 1989 г. в городе Свердловске в семье военного.

Учился в Уральском государственном горном университете.

В 2008-2009 гг. проходил срочную службу в рядах Вооруженных сил России, получил военно-учетную специальность «командир мотострелкового отделения на БМП». Был уволен в запас в звании младшего сержанта.

В 2012 г. начал карьеру журналиста. Работал в уральских изданиях, входил в пул полпреда президента России в Уральском федеральном округе.

В 2014 г. освещал события по возвращению Крыма, участвовал в «Русской весне» на юго-востоке Украины.

С июля по декабрь 2014 г. находился в зоне военного конфликта на Украине. Вступил добровольцем в батальон «Заря» ЛНР.

В 2015 г. переехал на постоянное место жительства в город Тюмень, где работал специальным корреспондентом интернет-издания PARK72.RU. Ростислав освещал общественно-политическую жизнь региона.

В 2021 г. пришел в РИА «Новости». С первых дней СВО командирован в зону боевых действий. Освещал события в ДНР, в Харьковской области, в Запорожской области.

В 2022 г. Ростислав Журавлев получил специальный приз «За смелость при выполнении журналистского долга» премии «Золотое перо» Союза журналистов России.

Ростислав Журавлев был женат. В браке родились два сына.

Коллеги убеждены, что гибель журналиста и офицера пресс-службы – результат целенаправленной атаки украинских военных на журналистов и сопровождавших их военных.

По материалам СМИ подготовил **Андрей КОЗЛОВ.**

ПОДВЕДЕНЫ ИТОГИ ОЛИМПИАДЫ «СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА-2023»

12 мая 2023 г. в Институте журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета подвели итоги ежегодной межвузовской олимпиады «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

Первое место заняла команда Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ. В ее состав вошли курсанты К.В. Малышев, Н.М. Гольдин, В.В. Бузин.

Второе место завоевала команда Московского государственного лингвистического университета. Состав команды МГЛУ – А.Д. Морозова, С.Ю. Рахматуллоева, О.Е. Сливченко.

Третье место в командном зачете разделили Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина и Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. В состав команды РГУ имени А.Н. Косыгина вошли К.Р. Левая, Н.А. Гончаров, Л.К. Канакова. В состав команды РАНХиГС вошли студенты Т.П. Ерошкина, А.А. Журавлева, Н.А. Данилова.

В личном первенстве в олимпиаде победила студентка магистратуры Московского гуманитарного университета Д.Р. Кохманская.

Второй результат показал курсант Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ В.В. Бузин. Третье место – у студентки Московского педагогического государственного университета М.В. Калимуллиной.

Победителям олимпиады были вручены денежные премии от Ассоциации исследователей деятельности информационных служб и средств массовой информации («ЛидТерра») и ценные подарки от Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в России и Белоруссии.

В 2023 г. в состязании приняли участие команды Академии гражданской защиты МЧС России, Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, Московского государственного лингвистического университета, Московского государственного института культуры, Московского педагогического государственного университета, Московского городского педагогического университета, Российского государственного

университета имени А.Н. Косыгина, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Финансового университета при Правительстве РФ, Московского гуманитарного университета, Московского гуманитарно-экономического университета. В личном первенстве боролись без малого 40 студентов бакалавриата и специалитета, обучающиеся по направлениям (специальностям): «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Юриспруденция».

В ходе подготовки к олимпиаде все участники прослушали лекцию по теме: «Международно-правовой статус журналиста в условиях вооруженного конфликта», которую провел доктор исторических наук, профессор А.В. Козлов. Студенты посмотрели учебный фильм «Как не погибнуть от вражеской пули: памятка для студентов-журналистов».

Олимпиада прошла при поддержке Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в России и Белоруссии, Союза журналистов Москвы, Московского отделения Союза журналистов России, Центра исследований деятельности информационных структур и СМИ в условиях вооруженных конфликтов при ИЖКМ МПГУ, Региональной общественной организации «Ассоциация исследователей деятельности информационных служб и средств массовой информации» («ЛидТерра»), научного журнала «Актуальные проблемы международного гуманитарного права и СМИ», журнала «Человек и Закон».

Подготовили **Елизавета БАРБАШИНА, Варвара ЦАРЕВА.**

Фото **Алексея ПЕТУХОВА, Николая ЧЕПИКОВА.**

КОНКУРС НАУЧНЫХ СТАТЕЙ «СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА»

Институт журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета совместно с Союзом журналистов Москвы объявляет межвузовский конкурс научных статей «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

К участию в конкурсе приглашаются студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по направлениям: «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Юриспруденция».

Конкурсная комиссия принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, набранного в текстовом редакторе Word через два интервала, с концевыми ссылками на использованные источники.

Работы необходимо прислать в адрес конкурсной комиссии (mgp_smi@mail.ru) до 1 мая 2024 г. Подведение итогов конкурса и награждение победителей состоится в июне 2024 г.

К участию в конкурсной комиссии будут привлечены эксперты Центра исследований деятельности информационных структур и СМИ в условиях вооруженных конфликтов.

Лучшие работы будут опубликованы в научном журнале «Актуальные проблемы МГП и СМИ».

Председатель конкурсной комиссии –
Виктор Николаевич Литовкин, военный обозреватель.

ОЛИМПИАДА «СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА»

МГП и СМИ

Институт журналистики, коммуникации и медиаобразования
Московского педагогического государственного университета

Научный журнал
«Актуальные проблемы международного гуманитарного права и СМИ»

МЕЖВУЗОВСКАЯ ОЛИМПИАДА
«СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА»

ДИПЛОМ

Награждается

Шлёнская Ксения Львовна
за 1-е место в олимпиаде
«СМИ и актуальные проблемы
международного гуманитарного
права»

«__» апреля 2017 г.

Председатель жюри Л.Н. Литовкин

Секретарь жюри Л.В. Кудрей

Институт журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета совместно с Союзом журналистов Москвы объявляет межвузовскую олимпиаду «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

К участию в олимпиаде приглашаются студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по направлениям: «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Юриспруденция».

Олимпиада состоится в апреле 2024 г. на площадке Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета (учебный корпус «ТАГАНКА» – Верхняя Радищевская улица, д. 16–18). Форма проведения – тестирование.

Заявки на участие просим присылать по электронному адресу: mgp_smi@mail.ru.

Результаты олимпиады будут опубликованы в научном журнале «Актуальные проблемы МГП и СМИ».

Председатель жюри –
Виктор Николаевич Литовкин, военный обозреватель.